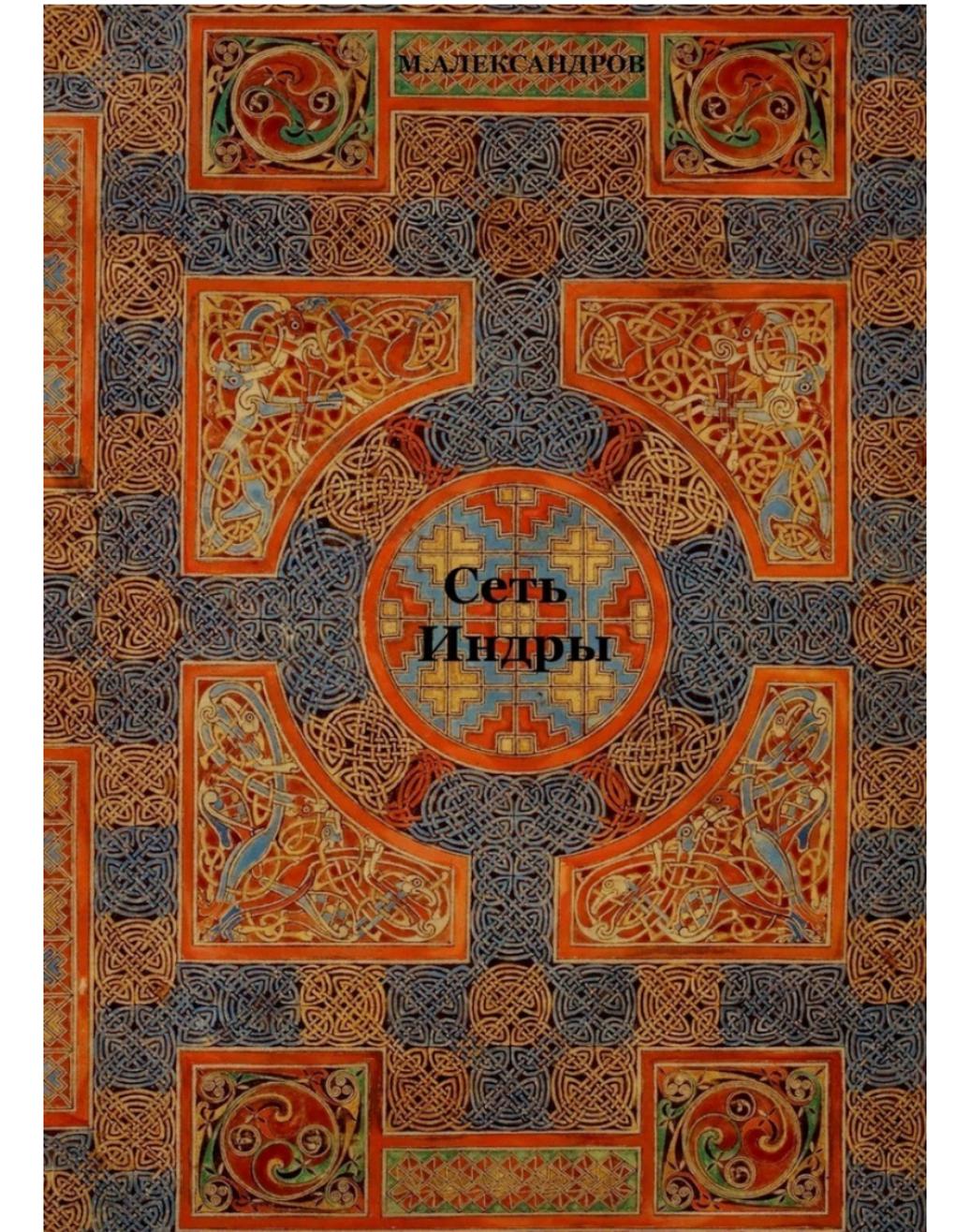

М. АЛЕКСАНДРОВ

Сеть
Индры

**Максим Александров
Сеть Индры. Сеть
Индры, Мистерия
о Геракле, рассказы, стихи**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24390292

ISBN 9785448530203

Аннотация

Все мы в Пути. Кто-то идёт сам, кого-то несут волны обстоятельств. Дорогам нет числа, а цель – за пределами обычного человеческого понимания. Но карта миров едина для прошлого, настоящего и будущего, для сознательного и бессознательного. Герои мифов – это мы сами и наши современники. В книгу вошли художественные произведения автора, написанные на рубеже веков.

Содержание

Вместо предисловия	5
Сеть Индры	7
Часть 1	9
Глава 1. Свиток	10
Глава 2. Пророки	41
Глава 3. Баал	61
Глава 4. Серый дом	101
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Сеть Индры

Сеть Индры, Мистерия

о Геракле, рассказы, стихи

Максим Александров

© Максим Александров, 2017

ISBN 978-5-4485-3020-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В оформлении книги использованы иллюстрации из средневековых рукописей.

Вместо предисловия

Отзывы читателей (из соцсетей):

Для меня эта книга – причём не только собственно роман «Сеть Индры», но и все тексты, входящие в этот сборник – это, прежде всего, инструмент для работы с сознанием, объект медитации. Смыслы, заложенные в ней, кажутся, неисчерпаемы. Постоянно открывается что-то новое, и ты вдруг начинаешь понимать что-то очень важное и интересное в тексте, чего не видел до того. Сеть Индры, да...

Что касается этой книги как литературного произведения... Я мало сведущ в литературном искусстве, поэтому компетентно судить о художественных достоинствах не могу – могу лишь как рядовой читатель. Чтение текста доставляет реальное наслаждение, самим своим слогом, мягким и текучим, живым и глубоким. На самом деле – это огромная редкость, когда язык книги и ход мысли автора приносит такое удовольствие. Это буквально палец одной руки хватит, чтобы пересчитать. Можно сидеть и просто смаковать.

Порекомендовать эту книгу могу решительно всем. Кто-то, безусловно, останется от неё в недоумении: это как заглянуть в толстую и явно интересную книгу на незнакомом языке. Всё так занимательно и картинки удивительные, но,

ни ишиа не понятно. Кому-то она обязательно понравится. Но предугадать заранее – кто станет поклонником этой книги – я не берусь. Я видел случаи, когда даже маленькие дети слушали её с восторгом.

Олег Павлов

Что сказать?.. Книга, к которой я обращаюсь, когда бывает неспокойно на сердце, и странная тревога томит и зовёт... Книга, которую я люблю читать по вечерам, ложась в постель, останавливаясь на распахнувшейся наугад странице.... Удивительная светлая книга, читая которую вдруг понимаешь, что обыкновенная зеленая лягушка, живущая в садовой бочке, на самом деле – Звезда. «И светит всем в доме»... А Божье царство – здесь и сейчас, совсем близко – живет и дышит, и растет и ширится.

Юлия Жамальдинова

Соприкосновение с путниками из «Сети...» дарит читателю самые разные образы – космической музыки, запутавшейся в струнах мироздания; вечно странника, старающегося вырваться из колеса бесконечно повторяющихся событий; столкновения двух неподвластных человеческому уму сил, которое оказывается всего лишь актом творения чего-то нового. А нашему воображению останется только сплести все символы в увлекательную и запоминающуюся историю...

Татьяна Климова

Сеть Индры

роман

Часть 1

Никогда я ещё не слышал рассказа, где было бы столько разных происшествий, случившихся с таким количеством разнообразных персонажей.

– Скажите, а вы сами имеете представление, о чём вы рассказываете? – спросили мы его тут. Он сказал «нет», но поручился, что каждое его слово – чистейшая правда, потому что его тётка всё это видела собственными глазами.

Джером К. Джером Пирюшка с привидениями

Глава 1. Свиток

Фрагмент 1.

Раби Ицхак был недоволен днём. День проскользнул между пальцев как трёхгрошовая монета. Скрип тележного колеса вывел его из задумчивости. «Частности затемняют смысл, – произнёс он, – и недостойно сожалеть о потерянном».

Козы щипали чахлую траву у дороги, вечер надвигался, как грозная туча.

В стороне от дороги он заметил человека, сидящего на камне. Тот был без шапки, седые волосы его были всклокочены, чёрный плащ небрежно брошен на траву. Подойдя ближе, Ицхак увидел, что это Лёв Цви – раби из Праги. В левой руке тот держал свиток, в правой подкову.

– Раби! – воскликнул Ицхак – уж не принесло ли Вас ветром? Когда вчера западный ветер повалил плетень у самого дома старого Лейб-Шимона, я подумал: наверное, такой сильный ветер принесёт нам какие-нибудь новости. Но никак не думал, что это будете Вы!

Лёв Цви поднял голову. Он был так лёгок, что Ицхак испугался, что раби опять унесёт ветром, как пух от одуванчика.

– Ицхак, – сказал Лёв Цви, – этот ветер – Божий ветер.

Вчера у меня был конь, сегодня осталась подкова. Только что я был в мирах светов НаРаНХаЙ, а теперь держу в руках этот свиток.

Они пошли сквозь поля в надвигающемся сумраке, и их тени скользили за ними.

– Вам надо выпить мёду, раби, – говорил реб Ицхак, – пойдёмте в трактир и попросим горячего мёда.

– Частности затемняют смысл, – говорил он, – Моше оставил нам Тору, Ари открыл «Зоар». Этого нам хватит до дней Машиаха. Зачем нам ещё один свиток?

Лёв Цви молчал.

В полутёмном трактире они слушали треск поленьев.

– Возможно, это ошибка с Его стороны – негромко сказал Ицхак.

– Не нам исправлять Его ошибки – глухо отозвался Лёв Цви.

Только через несколько минут, после того, как почтенные раввины ушли, трактирщик заметил забытый ими свиток. Он выскочил, чтобы догнать гостей, но они словно растворились в ночи.

Текст 1

Главное, пиво здесь дешёвое. И ещё свобода. Свобода – это когда можно спать до двенадцати, и ни одной московской рожи на улице, и луг у речки в жаркий денёк – это

луг, а не пастбище для машин и не тюленья лежбище. А ещё тишина, на стуке ходиков и кваканье лягушек настоящая. И на площади соловей поёт, а по улицам утки ходят. Откроешь окно, а там туман, или солнце из-за холма, или, там, воробы, а не... сами знаете что. И чай свежий, и никого над душой.

– Дай топор, дров наколю!

– Не дам, отдыхай.

И следить, как луч ползёт по пыльному ковру, и мириады миров-пылинок носятся в бесконечном пространстве комнаты.

И люди здесь интересные. К примеру, Бесштанов.

Матвей Савельич Бесштанов всегда готов поделиться своим счастьем с окружающими. «Рудик! Голубчик ты мой! – восклицает он, хватая тебя за рукав. – Это был самый обычный камень, но я всё-таки решил его перевернуть. Ведь никогда не знаешь, что будет, если ты перевернёшь камень. И что же? Боже мой! Там оказались рунические письмена!»

С детства Матвей Савельич любил ковыряться по склонам и карьерам и разглядывать камни. Он собрал их огромное количество – самых разных и удивительных камней. Он находил каменные архивы древних цивилизаций и каменные протезы, каменные генераторы и окаменевшие покрышки, камни со следами динозавров и камни, оплавленные при посадке летающих тарелок, языческих идолов и стреляные

гильзы в куске угля. Однажды он нашёл окаменевшую газету миллионлетней давности и разобрал почти половину текста, писанного почему-то по-арабски. А стариннейший еврейский свиток с пророчествами о конце света Матвей Савельич как-то просто подобрал в траве, прогуливаясь по парку.

По древним текстам Матвей Савельич настоящий специалист – он прочёл их все. Письмена этрусков, хараппские иероглифы, кохау ронго ронго он щёлкает как орешки, вооружась старым русско-немецким словарём. Ежегодно Матвей Савельич совершает научные революции. Он закрыл как поддельные все старые цивилизации, зато открыл множество новых. К примеру, раскопал в окрестностях Вышгорода на Александровом Погосте гиперборейское городище и даже реконструировал гиперборейский язык, оказавшийся удивительно похожим на украинский. А роясь там же в поисках гробницы Чингисхана, нашёл могилу Пруса – брата Августа-кесаря.

И если мир ничего не узнал об этих удивительных открытиях, то меньше всего в этом вины самого Матвея Савельича. Если у вас есть немного времени, он с удовольствием расскажет, как обивал пороги Рыбакова и Петракова, Лихачёва и Лигачёва, Янина и Янаева, Фоменко и Доренко, и как академик Рыбаков, взяв его под руку, тихо и наставительно объяснил, чтобы он придержал свои открытия при себе, потому, что хотя всё и было не так, как пишут в учебниках, но остальным про это знать не надобно. Потому как тут задействова-

на такая большая политика, что смертным и не подступит-ся. В другом варианте рассказа Рыбаков грозно кричал из-за стола: «Да как ты посмел! Эти надписи сам Грозный запре-тил расшифровывать!» И ударом кулака разбивал пепельни-цу.

И потому Матвей Савельич публикует в местной газете только самые безобидные из своих открытий. Но, конечно, побеседовать о них Матвей Савельич любит.

Меня он впервые изловил в одно в меру прекрасное утро. Совершая по своему обыкновению утреннюю пробежку, Бесштанов зорким взглядом краеведа сразу приметил незна-комую фигуру с мольбертом, хмуро обозревавшую окрест-ности с высоты кургана. Подойдя, он вкрадчиво взял меня под локоток и начал говорить в своей обычной манере, пере-ходя сразу к сути вопроса: «Как Вы думаете, почему Алек-сандр Сергеевич назвал своего героя Руслан? Вы ведь знаете, что Пушкин был пророком, и волхвом в 17-ом поколении, он ничего просто так ни делал. Вы, понятно, скажете, что ко-рень здесь „Рус“, как скажем в „Рустам“ – т.е. рус там. А что в таком случае означает – „лан“? Ну что? А?» Тут он сделал эффектную паузу, напряжённо глядя на собеседника, словно пытаясь воззвать к моему лингвистическому дарованию.

А внизу речка вяло размышляла о том, как ей не хочет-ся впадать в Волгу и что надо сделать ещё несколько петель среди этих живописных холмов. И что хорошо бы вообще

никуда не впадать, а вот так вот лежать неподвижно и греть серебрястые кольца на солнышке.

А в воздухе застыла стрекоза, и ей тоже не хотелось никуда лететь, а хотелось висеть себе неподвижно. А мне, измученному бурно проведённой ночью, не хотелось думать что такое «лан». И я промолчал и мудро сделал, потому что вскоре без малейших усилий со своей стороны узнал и что такое «лан», и что такое «усл», и что значит «сла» и много других удивительных вещей.

«Стрекоза» – подумал я, кажется, нечаянно вслух. Мой собеседник замолчал на какое-то мгновение, а потом я узнал в каких случаях древние русичи употребляли корень «оз», а также об оссиях, стране Оз, жидомасонах и кабалистическом значении номера 03.

«Река, – напряжённо наморщив лоб, подумал я, – река! Река речёт. Что делать? Речь! – я потряс головой – Речь кого? Не мальчика, но мужа. Мужа чьего? Речьего!» Так как этот лингвистический монолог я опять по рассеянности произнёс вслух, странный лектор с перепутанной бородёнкой поглядел на меня с нескрываемым интересом, и – о благодетель! – предложил пивка.

Тут уж я слегка отыгрался.

– А знаете ли Вы, – спросил я, – что великий австрийский учёный Зигмунд Фрейд доказал, что каждый человек по натуре своей – жид? Но затем в процессе, так сказать, социализации, этот внутренний id всячески маскируется. Однако

кое у кого, прячь его не прячь, он так наружу и выпирает. И называются такие люди... нет, это вы неправильно подумали. К национальности это никакого отношения не имеет. Называются такие люди невротики, в отличие от обычных людей, которые называются вротики. Потому что... – тут я с некоторой обидой заметил, что собеседник меня не слышит, а просто улыбочиво пережидает.

– Голубчик вы мой, – сказал Бесштанов ласково, – голубчик вы мой, когда наступит конец света, а это случится очень скоро, никто не станет разбирать, еврей вы или не еврей.

От него-то я и узнал подлинную историю Вышгорода.

Документ 1

М. С. Бесштанов

Тайны вышгородских подземелий.

Лет примерно 150 тому назад решила дворянка Козодавлева, вдова коллежского асессора, углубить свой погреб. Начав копать, рабочие вскоре наткнулись на белокаменную кладку древнего свода. Под домом асессорши оказались три «каменные палатки». В последней, где уровень пола был на полсажени ниже, был обнаружен полузасыпанный колодец. Высота потолков достигала 165—180 сантиметров.

В подzemелье было сухо – древние строители предусмотрели вентиляцию. Кирпичные полы были выложены сложным концентрическим узором.

На стене дальней «палатки», осмотревшим подzemелье преподавателем гимназии Веневитиновым была найдена состоящая из непонятных значков надпись, которую любознательный педагог добросовестно скопировал.

Дальнейшие раскопки были прекращены по приказу городничего для пресечения распространившихся по городу слухов. Подземелье было снова замуровано.

Не скроем, для принятия столь радикальных мер основания у городничего были.

О подzemельях в городе говорили давно – многочисленные ходы, словно сырную голову, источили городище. От него ходы, будто бы, вели чуть не до самого Александра Погоста, где в пещерах скрывались в тёмные века монахи и разбойники, хранились клады, а в тревожные времена выходили из-под земли успокаивать народ нездешние старцы.

Временами наш город охватывали эпидемии кладоискательства. Тревожа умы, передавали из уст в уста «надёжнейшие слухи» о сокровищах, ходили по рукам какие-то полустиёртые карты.

Но когда стали раскапывать без дозволения древние курганы, нашли под бывшей монастырской церковью подвал со сложенными черепами да забили насмерть пару человек кладоискательскими кирками, то это уже было дело подсуд-

ное. И с тех пор полиция предпочитала пресекать волнения в самом зародыше.

Впрочем, будь в истории с козодавлевским подвалом дело в обычной полицейской перестраховке, добился бы настойчивый учитель Веневитинов разрешения на раскопки, добыл бы нужные бумаги в Министерстве народного просвещения, глава коего граф Уваров был известен своей давней страстью к археологии. Но смеем предположить, дело тут было в другом. Просто на следующий день после начала раскопок к дому городничего проковылял, опираясь на костыль, невзрачного вида человечешко в поношенном сюртуке с георгиевской ленточкой в петлице. Был это отставной штабс-капитан Тианский. Пробыл он у городничего около часа и, как полагаем, был выслушан очень внимательно. Что именно он сказал городничему, мы можем только догадываться, знаем только, что человек слов на ветер не бросал. Был штабс-капитан всему городу известный крестозналец.

Вот вам сейчас нужно объяснять, что такое крестцы, а раньше любой знал: крестец – перекрёсток улиц, дорог, ручьёв подземных – место не простое. Вспомните витязя на распутье. И колдовали-то в полночь на перекрёстке двух дорог, и кресты-распятья, либо икону не случайно там ставили. Крест ведь древнейший магический символ, известный русичам задолго до христианства. Сотни тысяч лет назад он был разнесён по всей земной тверди. Земной квадрат, четыре стороны света, 4 грани пирамиды не случайны:

крест – знак земли. Именно этот знак лежит в основе геомагнитного кристалла, на перекрестьях граней которого зародились все великие цивилизации, находятся все величайшие, известные и сокрытые, святыни земли. На энергетических перекрестьях меньшего масштаба ставили капища (позднее церкви), дороги тоже прокладывали не абы где. Знающий тайну крестцов обладал ключом к великой силе, которую мог направить и на добро, и на зло.

Потому, сограждане! Никогда не разгадывайте кроссвордов (крестословиц), вы сами не знаете, что делаете! Это древнейшая магическая практика, дозволенная только волхвам. Посмотрите, как изменился мир за последний век – это результат целенаправленной работы могучих сил. Через кроссворды десятилетиями осуществляется программа масштабной трансформации человеческого сознания. Взгляните на так называемое современное искусство, и вы сможете оценить масштаб идеологической экспансии чуждой цивилизации.

Но вернёмся к штабс-капитану Тианскому. Власть, данная этому человеку, была удивительна. Случись что – болезнь, горести, неудачи, одолели несчастья – люди шли к Тианскому. Вешал штабс-капитан на крестце свои колокольчики, стучал медной палочкой и по звону определял, в чём дело: нет ли заклятия на крестце, правильно ли дом поставлен, с того ли колодца воду берут. А власти с того времени его уважали, как выгнал он нечистого духа из дома самого про-

тоиерея. И даже губернский архитектор с ним стал считаться после того, как два новых дома в буквальном смысле провалились под землю, – пустот-то под городом изрядно.

Главное же, знал Тианский крестцы не только видимые, но и подземные, а эти самые опасные.

Много чего знал этот удивительный человек, о чём потомки и не догадываются. Не случайно на встречу с ним приезжал и сам государь. Приехал ночью с двумя адъютантами. Часа три говорили о судьбах России. Говорят, великие тайны были открыты. А наутро уехал штабс-капитан куда неизвестно. Искали его долго, и не нашли.

И всё же представим, о чём тогда могла идти речь.

Благодаря расшифровке древнейших письменных источников, в частности, этрусских и хараппских, в последние годы наши представления об истории человечества претерпели радикальные изменения. Стало понятно, что нашей цивилизации как минимум 50 миллионов лет, и древнейшая цивилизация – это цивилизация русская. Словом «Русь» на древних языках называлась наша Метагалактика, а русичами – пришедшая со звёзд высшая космическая раса. В важнейшем энергетическом центре земли был основан великий город который так и назывался – Русь. Он просуществовал десятки миллионов лет: Рим, ИеРус-алим, Тара, Гиперборея, Пэнлай, Асгард – лишь другие его названия. Но около 50000 лет назад на земле появились новые пришельцы – захватчики из враждебной галактики. На антиполюсе зем-

ли (центре со знаком минус) они основали свой город – чудовищную Шамбалу. Путём генетических экспериментов они вывели из бродящих по болотам неандертальцев-лемуров новую квазичеловеческую расу, стремительно размножавшуюся. Наступила эпоха всеобщей деградации. Древняя Русь была оставлена, но во многих энергетических центрах земли – Египте, Москве, Тиауанако – уцелевшие чистокровные русичи продолжали борьбу, храня свет истины. К началу новой эры им пришлось отступить на север, укрыться от наступающих со всех сторон врагов в лесах священной русской земли. В течение многих веков волхвы искали позабытое место города богов – древнего Асгарда-Руси. Около 13 века он был найден и временно воскрес под именем Владимир (враги его называли Каракорум – город силы). Великий русский правитель – Александр (известный как Невский, Македонский и, как недавно убедительно доказал академик Хаменко, Чингисхан) вновь далеко раздвинул русские пределы. На место изолгавшегося христианства было поставлено истинно русское православие, восходящие к культу Дажьбога-Триглава – древнего владыки Руси (три лица его и доныне тайно почитаются православными, под именами Иисуса, Богородицы и Николая-угодника.). Увы, расцвет оказался недолог. Быстро теряющим расовую чистоту русичам Шамбала противопоставила новую демоническую расу, с большой примесью инопланетной крови. Подняв жёлтые народы, сыны Ямато вновь надолго отбросили Русь к северным

лесам. Чтобы спутать врагов, столица вновь была перенесена, но древний Владимир с курганом Александра на этот раз полностью разрушен не был. Он продолжил тихое существование под новым именем. И через пару веков только несколько посвящённых помнили о его былом величии. Забвению способствовало и то, что Владимиром для маскировки был назван другой город, пригород Суздаля, потом не раз разрушавшийся врагами.

Благодаря открытию секретных архивов Пушкина, Есенина и Чехова – последних великих волхвов, мы можем восстановить истину. Подлинный Владимир – это наш Вышгород. Но об этом мы поговорим подробнее в другой раз. Пока же вернёмся к загадочной истории полуторовековой давности. Думается, Тианский знал о том, какие тайны хранят древние подземелья, и каковы могут быть последствия их преждевременного открытия. А последствия могли быть совершенно роковые...

Но сначала ещё один сюжет. Надеюсь, вы ещё не забыли об учителе Веневитинове, происходившем, между прочим, из стариннейшего дворянского рода, и скопированной им надписи. Странные значки, не принадлежащие ни одному известному языку, наш славный археолог принял за масонский шифр, и собрался было отправить в Русское археографическое общество, но, увы, не успел. Как-то на прогулке он поскользнулся и упал в оставленный нерадивыми строителями котлован, полный после обильных осадков дождевой

водой, и захлебнулся, о чём с прискорбием сообщили те же «Городские вести».

Что стало с его бумагами, не сообщается. Можно предположить, что они попали в городской архив, где мне доводилось находить некоторые его документы. И вот что интересно. Спустя несколько десятков лет, аккурат перед первой мировой, в наш город приехал японский учёный Норинага. Казалось бы, отчего такая честь нашему захолустному городку? Но вот приехал ведь учёный муж и даже пожелал познакомиться с архивами. (Опять спасибо за сообщение «Городским вестям»). Нашёл он там, что искал или нет, неведомо, только спустя четверть века шеф японской разведки генерал Доихара отрядил в Россию специального агента в чине полковника, с прекрасным знанием русского языка, и опять – какая честь! – в наш город. Задание у шпиона было только одно, связников у него не было, рации тоже, законспирировался он так глубоко, что взяли его только после войны. При аресте у него изъяли интереснейшую вещь – план с зашифрованным чертежом, помеченный знаком белого сокола.

Белый сокол – по-славянски ререг, – знак не случайный! Был он на знамени Чингисхана-Александра, да на тамге Рюриковичей/Ререговичей (трезубец – это стилизованный сокол падающий на добычу).

Умер этот японский полковник при обстоятельствах очень странных, но речь сейчас не о нём. А о том, что надпись из подземелья тоже начиналась со стилизованно-

го изображения сокола. Тот же сокол не раз попадался мне на древних камнях у Александрова Погоста.

Сокол – птица древнеегипетского бога Гора (И Горбачёв/Горбачёв человек ой не простой). Птица, связанная с солнцем. Сокол (иногда орёл), побеждающий змея – символ победы над хаосом, стихийными разрушительными силами потопа. Птица-страж. Но если есть сокол, то где же змей? Взглянем на карту. Городище, сёла Соколово и Александров Погост образуют треугольник вокруг вошедшего ныне в черту города сельца Змиева. Совпадение? Змеиными кольцами обвилась вокруг него Петлянка, где, по преданиям, водились в былые времена чудовищные «коркодилы». Бездонные карстовые разломы ведут к плещущему под нашими ногами подземному морю с его неведомыми тайнами. Зорко стережёт страж-сокол своего извечного врага. Древние валуны хранят память былых битв и, кто знает, может быть, предвестие грядущих. Кто знает, какого противника заклинал сокол из подземной надписи? Молчат древние камни.

Но иногда и они начинают говорить.

Первый обломок с несколькими нацарапанными надписями я нашёл совершенно случайно (если, конечно, в мире бывают случайности). Следующие два были обнаружены в результате упорных поисков. По старинной карте я нашёл место, где стоял дом Козодавлевых. Но главное, мне удалось установить, что до этого на том же месте стоял небольшой монастырь, упразднённый в 1764 г., и в этом монастыре до-

живал свой век прозорливый монах Самуил, прошедший из-за своего дара большую часть жизни в заточении. Лишь благоприятное пророчество Елизавете Петровне принесло ему в 1741 г. ограниченную свободу – разрешение самому выбрать себе монастырь для поселения, где пророк и провёл последние годы жизни под строгим надзором. Известно, что последние из его пророчеств касались конца света. Вроде бы они были записаны, но записей тех никто никогда не видел.

Тайнопись, которой были нанесены знаки на камнях, оказалась древнеславянской письменностью «черт и резов», известной волхвам. На первом обломке мне удалось разобрать: «Явится по неделе в четверток зверь суц», на втором и третьем: «велик бяще... ререг... мгла...сей день последний»

О том, какие тайны приоткрывают эти письмена, в следующий раз.

Текст 2

Однажды тёмным дождливым вечером, когда западный ветер уныло завывал в кронах деревьев, а фонари, естественно, не горели, Егор по ошибке свернул на чужую улицу.

Тут надо сказать, что улицы в старом городе проложены не по плану, а как когда-то кому-то показалось удобней. Правда, как утверждают историки, план в своё время всё-таки составили и утвердили, но воплощение его в жизнь столкнулось с некоторыми трудностями. Например, чтобы проло-

жить через весь город прямой проспект пришлось бы построить через здешнюю речку Петлянку 22 новых моста. Понятно, что казна таких расходов не потянула. Составивший план архитектор, как рассказывают, сошёл с ума, но потом вроде бы как совершенно выздоровел, примирился с действительностью и женился на местной купчихе. Единственной странностью осталась за ним привычка взбираться тёплыми летними вечерами на городище и тоскливо озирать город глазами побитой собаки.

Его приемник был немец и человек решительный. Начал он с того, что сам попытался пройти по намеченной по карте прямой линии. Говорят, назад он не вернулся. Согласно местным преданиям, его призрак изредка является и донныне. Несколько раз будто бы видели, как он, с трубкой в зубах, в клетчатом пиджаке и с компасом в руке, бормоча невнятные ругательства, пытается перелезть через чью-нибудь ограду или форсирует какое-нибудь болотце.

Так вот, стоит ли удивляться, что, проспав свою остановку и возвращаясь пешком по непривычному маршруту, Егор свернул не на ту улицу. Чертыхаясь и спотыкаясь, он брёл в темноте, как вдруг заметил впереди у самой земли какие-то сполохи, будто где-то там внизу, бушевало, выкидывая синие языки, невидимое пламя. Но едва он сделал несколько шагов вперёд, как пламя исчезло. Отошёл назад, снова появилось. Тогда Егор, человек от природы любознательный, приметив загадочное место возможно точнее, подобрался к нему

вплотную и нашарил в темноте подвальное окошечко. Засунул туда голову, и снова уловил отсвет пламени. В ноздри ему ударил запах серы, а уши уловили гул, сквозь который издали прорывались какие-то вопли.

«Преисподняя!» – вдруг сразу догадался Егор, и по спине его пробежали мурашки. Ясно, ведь должна же она где-то проветриваться, иначе тяги не будет.

Это открытие переполнило Егора гордостью, и он решил поделиться им с отцом Пахомием, здешним настоятелем, предложив использовать окошко для наглядной агитации. Но отец Пахомий его благого порыва почему-то не понял.

– Значит, Преисподняя, говоришь? В подвале? В моём приходе? Ах ты, гроб повапленный! – ласково сказал поп, засучивая рукава, – подь сюда, я тебе её сейчас ещё где поближе покажу!

И Егор сбежал, потому как знал, что отец Пахомий, бывший десантник, шутить не любит.

Добрый старец Аполлоний встретил Егора более приветливо.

– Деточка, – сказал он, по своему обыкновению загадочно, – что есть огонь? Огонь есть сила Господня. Сила сия единая есть, токмо праведного она восхищает, а грешного испепеляет. А что рай, что ад, едино место есть, и что одному благодать, то другому погибель.

И отошёл на своих костылях, оставив Егора в недоверчивом раздумье.

Несколько раз потом приходил Егор к своему окошку, но днём пламя было незаметно. Было это окошко почти у земли в глухой кирпичной стене дома без вывесок, вахтёр на проходной смотрел угрюмо и подозрительно. И Егор робел.

Наконец, в ту самую ночь, когда Егор решил кинуть в окошко завёрнутое в газету полено, чтобы посмотреть, загорится али нет, его и сцапал отец Пахомий и, накостыляв хорошенько, объяснил, что дело это духовное и мирских людей никак не касается.

С тех пор Егор стал молчаливым, перестал верить в гласность и подружился с краеведом Бесштановым.

От Бесштанова я эту историю и услышал.

Фрагмент 2

– Признайся, Самуил, ты еврей! – сказал трактирщик Гершензон.

– Все мы евреи по благодати – смиренно ответил монах, уплетая фаршированную рыбу, приготовленную служанкой Мотей.

– Нет, признайся, Самуил, ты настоящий еврей – настаивал Гершензон, – иначе, откуда ты знаешь по-еврейски? Ха! Я тоже учился в хедере, но ты знаешь лучше! Скажи, ты знаешь Талмуд?

– Знаю, – кивнул Самуил.

– Ха, и после этого ты говоришь мне всякие глупости? Ты думаешь, Гершензон – совсем невежественный человек и не сможет узнать учёного еврея? Нет, я тоже учился в хедере, а сестра моей бабушки Цици была замужем за раввином Иехиалем Гальпериным из Минска. Скажи, ты знаешь про раввина Гальперина из Минска?

– Учёный был человек, – кивнул Самуил – «Седер Гада-рот» написал.

– Вот! – возликовал трактирщик, – теперь ты можешь одеваться русским попом!

На столе в маленькой комнате горела единственная свеча, и казалось удивительным, что два человека отбрасывают столько теней.

– Ты не знаешь, какие люди здесь останавливались! – горячился Гершензон, – Здесь бывали сам Натан Гановер и Мардохей Франк! И сам рабби Лёв оставил моему деду на сохранение тайную книгу о Машиахе. Может, ты мне не веришь?

– Всякое бывает, но вряд ли – задумчиво произнёс иннок, пряча руки под стол, чтобы хозяин не увидел, как они задрожали от волнения, – его путешествие было предпринято не напрасно. За окном светало, и ни хвастливый хозяин, ни замерший от страха упустить удачу гость не услышали тихого смешка судьбы, смеявшейся над человеком, достигшим цели своих исканий.

Фрагмент 3

Всю свою сознательную жизнь Исаак Абрамович Израэль мечтал переехать в Малахутовку, где была синагога и полчас езды до Москвы. Однако всю свою сознательную жизнь Исааку Абрамовичу пришлось прожить в Галутвине, а это, знаете ли, 101-й километр. В этом Галутвине было много заводов, некрасивые двухэтажные дома и река Ока. И ещё там ходил трамвай. Этим трамваем и рекой Окой все положительные стороны Галутвина исчерпывались. Если, конечно, не считать развалин монастыря. Но Исаака Абрамовича развалины монастыря совершенно не интересовали. Что же касается реки Оки, то его сосед, который был родом из Мордовии, уверял, что самая лучшая река – это Мокша, и Исаак Абрамович верил ему на слово. Но сам он мечтал о Малахутовке. Каждое утро он ходил на работу, а вечером читал Тору.

Однажды к нему пришёл человек и принёс старинную рукопись, писанную еврейскими письменами. В первый момент Исааку Абрамовичу показалось, что это книга *Ivbur*, но он быстро понял свою ошибку.

– Мой прадедуська был книжный человек, – сказал посетитель, – и он купил этот свиток у одного трактирщика за 50 рублей. Тех рублей. Теперь один человек предлагает мне за неё 600 долларов. Вы – учёный человек. Может, она стоит дороже?

– Молодой человек, – сказал Исаак Абрамович, – у меня есть русский племянник и его зовут Ипа. Он журналист. Каждый раз, когда этот Ипа приезжает ко мне, он говорит: «Дядя Изя, у Вас много старых книг, и можно их продать за хорошую цену и купить себе квартиру в Москве или дом в Малахутовке, а себе купить новые». Но я не даю ему продать мои книги, потому что мне их жалко. Если Вы не боитесь, то я скажу про Ваш свиток Ипе и спрошу, за сколько можно его продать. Я так думаю, что если его увезти в Америку, то за него дадут больше 600 долларов, но только на таможне его у Вас отберут.

Тогда человек дал Исааку Абрамовичу 500 рублей и попросил прочитать, что написано в рукописи. И Исаак Абрамович прочитал, а потом рассказал о том, что прочитал племяннику Ипе, а Ипа стал бегать по комнате и громко кричать, что надо было удержать рукопись у себя и спокойненько её перевести. И что он, Ипа, сам бы не пожалел за такую рукопись 600 долларов. Но Исаак Абрамович знал, что Ипа врёт, потому что у него нет 600 долларов, а если бы они и появились, то Ипа всё равно бы их потратил на что-нибудь другое, и поэтому сказал: «Ипа, когда ты доживёшь до моего возраста, то тоже не будешь хранить у себя чужие рукописи, потому что никогда не знаешь, кто за ними придёт». Так он сказал, потому что он был старый и мудрый человек и всю свою сознательную жизнь прожил в Галутвине.

Текст 3

Величайшие открытия совершаются порой по поводу совершенно ничтожному и незаметному.

Изучая только что купленную новую крупномасштабную карту области (вещь, для краеведа совершенно необходимую), Матвей Савельевич Бесштанов вдруг понял, что если соединить на карте одной линией все деревни, названия которых начинаются на букву «У», то получится изображение этой самой буквы. Вначале Матвей Савельевич даже усомнился, не шутка ли? Потом попробовал с буквой «Х» и опять получилось.

В другой раз понадобилась ему в энциклопедии статья про Швейцарию. И бросил он беглый взгляд на список их швейцарских президентов и что-то не то увидел. Почитал внимательно, так и есть: если столбиком вторые буквы в фамилиях читать получается по-украински. Матвей Савельевич так и сел. Это что же получается? Тут в черепе у Бесштанова что-то щёлкнуло и открылось у него второе зрение. Взял он отпуск и засел в библиотеку. И пока он там сидел, остатки волос у него вставали дыбом, сами собой шевелились и заплетались узлами. Какой бы справочник он не взял: по метеорологии, космологии, хронологии, генеалогии... – все таблицы оказывались составлены по одному шаблону. Высота величайших горных вершин соотносилась с фамилиями грузинских эриставов, в порядке убывания знатности, диамет-

ры планет с продолжительностью правления китайских династий и датами съездов КПСС. А уж когда ему попался указатель звёздных величин...

– Так! – сказал, наконец, краевед преисполненный праведного негодования, – значит, всё враньё?

– Враньё! – подтвердил внутренний голос. И Матвей Савельевич застыл, потрясённый грандиозностью космической аферы.

– Какая же скотина всё это понаписала? – с возмущением подумал патриот Бесштанов.

– А интересно всё-таки, а что это она там понаписала? – спустя минуту 15 секунд подумал учёный Бесштанов.

То, что за всеми цифрами и отношениями прячется написанный буквами текст, он догадался давно, ещё по карте, оставалось только вытащить его на солнышко. С яростью зарывшись в справочники, переводя числа и отношения в буквы кабалистическим способом, начал он его выуживать буква за буквой, вытаскивая их из карт и таблиц как рыб из проруби и складывая стопочкой как блины, пока они не собирались в слоги и не начинали набухать смыслом. Тогда он раскладывал их на столе и под его суровым взглядом они съезжались и расползались по словам и предложениям. Перед его мысленным взором уже виделся первотекст, послуживший космическим шарлатанам шаблоном и расплодившийся их стараниями на бесчисленное, хотя и иллюзорное множество других текстов, из которых была соткана смирительная

рубаха, надетая на русского человека.

Но задача оказалась не столь уж простой. Надёрганные им слова зажили какой-то странной жизнью. Едва занесённые на лист бумаги, они тут же пытались воплотиться в его, Матвей Савельича, реальной жизни. Слог «вав» отозвался собачьими концертами. Громадные кобели стали стягиваться со всей округи, чтобы выяснять у подъезда Матвей Савельевича отношения. «Хохма» явилась в виде непутёвого художника Рудика, который мало того, что хохмил по поводу теорий Матвей Савельича, ещё и просил потом денег взаимы. От слова «берия» Бесштанов вздрогнул и стал шароухаться от невесть откуда расплодившихся лиц кавказской национальности. Слово «ацилут» его доконало. Что такое «ацилут», Матвей Савельич не знал. Но оно явно что-то обозначало и наверняка какую-то гадость, вроде ацетона, а то ещё и похуже.

Хуже того, найденные слова лезли из всех щелей. Матвей Савельич брал газету: журналисты писали исключительно «его» словами или прятали их внутри предложений. Даже соседка начала их вворачивать в разговор.

Но самое ужасное подозрение закралось у него касательно букв. Ему стало казаться, что все слова составлены не из обычных букв, а из тех самых, ещё не оприходованных.

Теперь Матвей Савельич уже и сам был не рад, что ввязался в это дело. Всегда жизнерадостного, многозначительного и таинственного Бесштанова было не узнать. Походка у него

стала неровная, дёргающаяся, взгляд застывший. Он нервно оглядывался по сторонам и что-то бормотал себе под нос. И главное, он не мог остановиться: Текст продолжал вылезать на свет помимо его воли. Идёт по улице дворняга, а Матвей Савельич с ужасом замечать, что это буква «Ё». Поглядит Матвей Савельич на небо, а это не облака ползут, а целый абзац надвигается. С кем заговорит, а тот вместо ответа заглянет в глаза и целые куски из Текста шпарит. А Матвей Савельич видит, что тот не сам по себе говорит, а это Текст через него выползает, а тот и не замечает, скажет себе спокойненько и пойдёт восвояси. Тошно стало Матвей Савельичу, уже и думать боится. Только что-нибудь подумает, а это Он.

Тогда вот что он надумал: как запишет большой кусок Текста, так возьмёт ножницы и «чирик-чирик», на кусочки разрежет и по-новому склеит, и как будто полегче станет. И кусочки эти он по ночам как листовки расклеивал, с несвойственным ему ранее злобным хихиканьем. А однажды пришёл к нему человек с целой стопочкой и спрашивает: «Ваша, Матвей Савельич, работа? А то тут один поэт их собирает и по своим стихам рассовывает». А Матвей Савельич руками замахал: «Нет, говорит, я тут не причём, это он сам, а я помер давно, знаете ли». А человек не поверил и говорит: «Очень здорово Вы это Матвей Савельич придумали. Мы это всё оприходуем».

А Матвей Савельич видит, что это и не человек вовсе,

а Вельзевул. Закричал он от испуга страшным голосом. А тут пришёл старец Аполлоний Симонович, да как вдарит ему промеж глаз костылём.

Тут Матвей Савельич и проснулся.

Бесштанов похлопал глазами и уставился на лежащий перед ним на столе старинный свиток, потом взял лупу и попытался сосредоточиться. «Четверг, – пробормотал он, взглянув на отрывной календарь. – Со мной всё в порядке».

Но проклятый сон всё не шёл из памяти. Краеведу начало казаться, что рукопись это и есть тот самый Текст из его кошмара, да и сон был не совсем сон. Матвей Савельич напомним себе, что сам подобрал свиток в зарослях бузины, рядом с битыми кирпичами и бутылкой из-под портвейна. Но это воспоминание теперь показалось ему каким-то неубедительным.

За окном светало и пело третьими петухами. Подумав, Бесштанов свернул рукопись и, воровски оглянувшись, сунул её в щель между шкафом и стеной, туда, где, как он подозревал, давно уже поселилась маленькая чёрная дыра, кушающая без разбора, всё, что проваливалось со шкафа.

Затем, невинно насвистывая, учёный муж вернулся к письменному столу.

На столе, выпучив печальные глаза-плошки, сидел Ацилут. Посмотрев на него с ненавистью, Бесштанов яростно ударил по клавишам печатной машинки. Он знал, что Аци-

лута необходимо оприходовать вместе с не пойми откуда взявшейся в голове препротивной Ехидой. И Матвей Савельич уже догадывался куда. Что-то пело в его душе тоненьким голосом, и опытным ухом Бесштанов распознал комариный писк вдохновения. Вдохновенье пело на одну из любимых тем Матвея Савельича: оно пело о конце света.

Фрагмент 4

По бесшумному, похожему на трубу коридору Центра, с синими окнами-иллюминаторами, крался Марк Аронович Одинштейн. Крался он к себе в кабинет. Все думали, что Одинштейн на конференции. Пускай думают.

Сквозь синие иллюминаторы было видно, как глубоко внизу в огромном зале у мониторов сидит множество людей. Они глядят на свои мониторы, подключенные к величайшему в мире компьютеру, и думают, что они самые умные. Пускай думают.

На цыпочках Марк Ароныч добрался до нужной двери и перекрестился. Тут вы вправе удивиться и спросить: зачем он это сделал? Но Марк Ароныч знал, что делал, потому что не перекрестись он перед тем, как открыть дверь, он оказался бы в совсем другом кабинете. А этот кабинет, в который он попал, был оборудован специально для тех случаев, когда Марк Ароныч не хотел, чтобы его нашёл кто попало.

В этом кабинет тоже был монитор. Но на полочке за за-

навесочкой лежали пыльные пергаментные фолианты, съевшиеся папирусы, шелковые свитки и глиняные таблички, испещрённые загадочными письменами.

Если бы сюда забрался кто-нибудь посторонний, он бы, конечно, побежал к монитору, потому что современный человек никогда не подумает, что можно взять книгу и всё там прочитать.

Человек, который ждал Одинштейна, был не посторонний, а доверенный человек. Увидев Марка Ароныча, он подскочил со стула, а Марк Ароныч, наоборот, упал в кресло и стал утирать пот.

– Ну что, купили? – спросил он трагическим шёпотом.

– Купил, – ответил человек и почему-то испуганно оглянулся на монитор.

Марк Ароныч выхватил у него из рук свиток, писанный еврейскими письменами, а другой рукой достал из кармана очки, погрузился в чтение.

Человек незаметно сидел, уставясь на ковёр, и лишь иногда закладывал то правую ногу за левую, то наоборот.

Наконец Марк Ароныч кончил читать, снял очки, достал платок и снова протёр им лысину.

– Боже мой, боже мой! – сказал он, наконец. – Так я и знал.

Фрагмент 5

Лев Наумович Хоцоман печально брёл по берегу пруда.

В руке он держал портфель, а в портфеле, завёрнутая в газету, лежала старинная рукопись, писанная еврейскими письменами. Иногда Лев Наумович останавливался, вглядываясь в тёмную воду, словно прикидывая, достаточно ли здесь глубоко. Нет, топиться Лев Наумович не собирался. Он обдумывал вопрос, не утопить ли ему здесь портфель.

Чтобы портфель стал достаточно тяжёлым, Хоцман положил в него два кирпича. Помимо прочего, они должны были помочь Хоцману преодолеть нерешимость, потому что долго два кирпича не протаскаешь. Мысль о том, чтобы уничтожить рукопись, да ещё старинную, переполняла его суеверным ужасом, но и о том, чтобы оставить её на свете, не могло быть и речи.

Этот свиток прислал Льву Наумовичу для знакомства его друг Одинштейн. Зачем Одинштейн это сделал, Лев Наумович не знал. Но одно он знал совершенно точно: пока этот свиток существует, жить дальше на Земле и спокойно спать никак не возможно.

«Марк, – сказал он про себя, мысленно обращаясь к Одинштейну, которого звали Марк, – возможно, это редкая вещь или твой служебный документ, но я тебе его не верну, даже если ты позвонишь в милицию. Потому что то, что здесь написано, не имеет право быть. И можешь считать меня жидом».

Наконец, когда Лев Наумович устал носить кирпичи, и ему показалось, что здесь достаточно глубоко, из кустов

вышли двое, и один из них сказал: «Здорово, жид», а другой: «А что это у тебя в портфеле?» И Лев Наумович понял, что это грабители-антисемиты.

– У, блин, тяжёлый, – заметил грабитель, вынимая портфель из похолодевших пальцев Хоцомана.

– Это кирпичи, – честно сказал Лев Наумович.

– Ага, – сказали недоверчивые антисемиты, – гуляй, дядя.

И Лев Наумович кивнул, ещё раз осознав горькую истину: что бы хорошего или плохого не сделали на этом свете евреи, антисемиты это обязательно присвоят.

Глава 2. Пророки

Текст 4

Это место называлось Гара. Что-то омерзительно-босяцкое было в этом названии. Не гора, не гарь, а именно Гара.

Есть такие места неподалёку от Кольцевой, которые недавно ещё были простыми нормальными подмосковными местами. Но потом, откуда ни возьмись, на них напозла Москва, позакрывала с трёх сторон горизонты многоэтажками. Нарыла каких-то канав для неведомых, но ужасно важных коммуникаций. Ещё чуть-чуть, год-полтора – и будет на месте деревушки весёленький микрорайон. Уже и замахнулась было Москва, да призадумалась, и осталась стоять с оттянутой рукой. А здесь всё так и замерло в тревожном ожидании. Жизнь не жизнь. И легла на всё печать какой-то ненастоящести. Вот вроде бы и дома, и рощи, и поля. А всё в них какое-то неправильное, как будто не должно их тут быть.

Где-то рядом гудит автострада, а здесь по раздолбанной бетонке угрюмо ползают самосвалы и ходит по какому-то неведомому расписанию полудохлый дребезжащий автобус, и настроены какие-то гаражи и сараюги, а за рощей, самоотверженно изображающей зелёную зону, несколько домиков, уснувших среди задичавших яблонь, и так, похоже, и не по-

нявших, что же вокруг происходит.

Называлось всё это конечно не Гара, а как-то по-другому. Может, «совхоз имени 60-летия Леонида Ильича», или как-то там ещё, но приклеилась эта самая Гара.

Однажды в серый и промозглый денёк из переполненного воинственными пенсионерами автобуса на остановку вывалился плотного сложения мужчина лет эдак шестидесяти. Несмотря на солидное брюшко, был он весь какой-то упругий и прыгучий, и даже прямо-таки молодежавый дядечка. Он поглядел на унылое поле, на покосившуюся остановку с загадочными английскими письменами, на гаражи и произнёс что-то вроде – «эка!». И решительно непонятно было, что он имел в виду.

Протопав с полкилометра по грязи, держа курс на унылого вида хибару с поломанным забором и заросшим бурьяном садом, он снова произнёс «эка» и, пройдя через распахнутую калитку, постучал в окно.

– Витёк, ээ-э Витёк! Ты, того, встречай гостей, что ли.

Тишина. Дядечка сменил окошко и снова постучал.

– Витёк, ты, эта, открывай.

Дверь веранды медленно отворилась, и на пороге появился человек в тапочках. Вид его был страшен. В руке он держал топор, и на хмуром челе его читалась несокрушимая решимость пустить его в дело.

«Эка!» – в третий раз издал дядечка загадочное восклицание.

– Э-ээ, Витёк, аль ты топором меня решил рубить?

– Изыди, – прорычал мужик – надо полагать, Витёк.

– Не узнал, вижу, не узнал, – жизнерадостно заорал дядечка – а это я, Бобус. Боб Варикозный, Роберт Харитонович, а вовсе не то, что ты подумал. Ты, эта, топором не маши.

Витёк присмирел, съёжился куда-то вглубь телогрейки.

– Ходит, – произнёс он сипло, – ходит тут.

– Ага, ага – весело подтвердил Боб Харитоныч, втискиваясь в дверь. Зрелище, которое предстало ему внутри, было не для слабонервных. По полу, по стенам, по потолку небольшой задрипанной комнаты ползали, кишели, шипели разнообразные гады неизвестной биологии, но на редкость препоганой наружности. Боб Харитоныч в изумлении замер на пороге и не сразу обрёл дар речи.

– Эка, – вымолвил он наконец, – экая у тебя, брат, анти-санитария!

Потом потряс головой, и гады исчезли.

– Сам гонишь? – спросил он, принюхиваясь к подозрительного вида агрегату, стоящему в углу.

Попробовав на вкус бесцветную жидкость, стекающую из трубочки в эмалированную кастрюлю, он даже присвистнул.

– Эка! – сказал он почти одобрительно.

– Тошно мне, Бобус, – произнёс вошедший следом в комнату Витёк, – а там, – махнул он куда-то за дверь, – всё ходит и ходит, ходит и ходит.

– Печень бы поберёг, Витенька, – пропел Бобус, – если уж мозгов тебе не надо. Дай поцелую тебя, – и чмокнул печального Витеньку в щёку.

– Ну, за встречу!

– Тошно мне, Бобус. Заберут меня скоро.

– Э-ээ, Витёк, – Бобус махнул рукой. Они снова выпили.

– А помнишь, Витёк, – спросил Боб вкрадчиво, – как добыл ты платочек шёлковый с планом? А?! Мог же ведь! С Буддой, помнишь? Интересно мне взглянуть на него. А?

Витёк тупо смотрел в стену:

– Ходит, понимаешь, день и ночь ходит и в стены стучит, – потом, словно очнувшись, всхлипнул: – Раздавили нас, Бобус.

– Ты эта, эта, сопли-то не распускай. Ты погляди, что во-круг развёл, смотреть тошно. – Боб, не глядя, махнул рукой в сторону окна, – Замаскировался! А автобус-то, автобус! Надо же такое придумать! Чудила! Ты мне, эта, платочек покажи.

Витёк, как будто оглох. Боб Харитоныч, взяв его за плечи, несильно потряхнул:

– Ну?

Глаза Витька куда-то закатились. Несколько раз, как рыба, он молча открыл рот. Наконец невнятно пробурчал куда-то в сторону:

– Отдал я его, Бобус, корреспонденту отдал.

– Так, – Бобус даже охрип, – так, какому корреспонден-

ту? Какому такому корреспонденту, сукин ты сын!!! – заорал он. – Что, что ты ему наговорил, кабачок ты недорезанный!

– Не помню, – пробормотал Витёк, – не помню, что говорил. Всё равно ведь теперь, Бобус. Тошно мне.

– Тошно тебе?! Щас тебе ещё тошнее будет! Скотина! Пошли. Прикрываю я твой балаган.

– Нельзя мне отсюда выходить – неожиданно ясным голосом сказал Витёк, – не выпустит он меня.

В окно дома мощно и тяжело постучали, так что лампа под потолком закачалась как маятник.

– Ага, – сказал Боб Харитоныч, – Ага.

– Ага, – сказал Боб Харитоныч, – Ага. Астралопитек. И где ты его, Витенька, подцепил?

Витенька молча потянулся к стакану, но Боб решительно хлопнул его по руке.

– Не знаю, – мрачно сказал Витёк, – не помню.

– Ты его заклинать пробовал? Или поговорить? – Витёк мрачно молчал. – Ладно, сам вижу, – брезгливо заметил Бобус – пошли.

– Нет, – лицо Витька сразу посерело – не надо, Бобус, я пробовал уже, не выпускает. Я ему даже стакан выставлял, не берёт!

На стену, а пожалуй что и на крышу обрушилась новая серия ударов. С потолка посыпался мусор, шлёпнулась на стол какая-то пятиногая сиреневая гадина и с писком унырнула

под диван.

– Это они его прислали, заберут они меня.

– Не ной! Кто они, что они?! Будут они к тебе всякую дрянь засылать, придурок! Шляешься где попало! У тебя книжка какая есть?

– Чего? – не врубился Витёк

– Чего! Того! Тормоз! Ты вообще книжку какую после школы в руках держал? Держал, спрашиваю?

– Ты, того, не сердчай, Бобус – испугано забормотал Витя, глаза его приняли более-менее осмысленное выражение, – читал я.

– Чего читал?!

– Ну, это, ты не сердись, это, читал, Булгакова там, и этого, ну, с бородой такой...

– Ну? Маркс, Флоренский, Рабиндранат Тагор? Дай сюда!

Витёк окончательно съёжился. Трясущимися руками он начал ковыряться в заваленном хламом углу.

– Были ведь. Были. Вот! – прохрипел он, доставая перевязанную бечёвкой пачку книг.

– Угу, – сказал Бобус, открывая пыльный томик двумя пальцами. – Да у тебя, брат, целая библиотека! Книгочей, книгочей... Вот этим и займись.

Витёк вздрогнул, и лицо его исказилось гримасой страдания.

– Может потом, Бобус... – начал он и запнулся. До него дошло, что Бобус разговаривает уже не с ним, а с кем-то

на потолке.

– Читать умеешь? – вкрадчиво продолжал Боб, – Во, погляди, интересно ведь! Слушай вот:

«Вот человек, потерявший шляпу,
Вот шляпа, потерянная человеком,
И каждый миг неудержимо,
словно камень, катящийся в бездну,
увеличивает расстоянье
между потерянным и потерявшим...»

Гм.

Стук притих.

– На, возьми. Я тебе вон туда положу. – Привстав на цыпочки, он сунул открытую книгу на антресоль.

Минут пять сохранялась тишина. А потом Бобус взял Витька за рукав и незаметно скользнул к двери.

Документ 2

М. С. Бесштанов

Под знаком белого сокола.

В одном американском журнале не так давно появилась статья за подписью некоего Майкла Гопника. На основании анализа сообщений контактёров за последние два десятиле-

тия, автор приходит к выводу о скорой гибели России в результате невиданных стихийных катаклизмов и вызванной этим всемирной ядерной катастрофе. «Разоружите Россию, пока не поздно!» – взывает американская Кассандра. Здесь можно было бы со спокойной совестью захлопнуть журнал, но давайте всё же зададимся вопросом: а много ли мы в действительности знаем о будущем? Между тем без будущего настоящее бессмысленно. Во все века люди устремляли свой взгляд вперёд, составляя прогнозы. Методом были пророчества, предсказания, гадания, гороскопы. Русские волхвы – носители космического разума предвидели будущее на столетия вперёд. В числе великих прозорливцев назовём Александра Пушкина, Григория Распутина, Сергея Есенина, Корнея Чуковского, Георгия Маленкова, а из наших земляков монаха Самуила, штабс-капитана Тианского и нашего современника Л., имя которого едва ли будет разглашено при жизни этого поколения. Феномен предвидения ещё ждёт научного осмысления. Между тем многие древние пророчества сбываются прямо у нас на глазах. В Пророчествах монаха Самуила (список Веневитинова в переводе на один из восточных языков был обнаружен мною вскоре после первой публикации) за двести лет были предсказаны: организованный японской разведкой Октябрьский переворот, всемирно историческая миссия Георгия Маленкова, сумевшего нейтрализовать дьявольские козни Анастаса Микояна и приведшего Россию к победе над извечным восточным врагом

и его близорукими германскими пособниками, новый чудовищный заговор против России, организованный эмиссарами Шамбалы Ириной Х. и Эрнестом Мул... вым и многое другое.

Бросается в глаза сходство этих пророчеств с дешифрованными речениями пророка Даниила, Велесовой Книги и написанного в предостережение врагу загадочного откровения Корнея Чуковского «Мухацо коту ха».

Становится ясной и наглость врагов, осмелевших в ожидании скорого пришествия Зверя-Антихриста (да не введёт читателя в заблуждение обычное прочтение этого имени: перекombинировав составляющие его буквы, мы прочтём всего лишь сообщение «тиран стих», тираном же враги испокон веку называют Ясного сокола Гора-Сварожича и его человеческие воплощения).

Но едва ли сами ненавистники России понимают, чем чревато для человечества явление выпестованного ими чудовища, нового воплощения древнего змея, когда-то побеждённого соколом-ререгом. Напрасно надеются они, что «число его – число человеческое». Поднявшийся из неизвестных глубин Зверобог не несёт в себе ничего человеческого и едва ли пощадит своих слуг и пособников. Вас, предателей рода человеческого, в последний раз призываю я: «Опомнитесь! Не дайте окрепнуть выпестованному вами злу! Ведь даже в случае его временного торжества Русь не погибнет. Хранимая высокими космическими иерархиями, она лишь

временно сокроется. Вы же, посеявшие ветер, пожнёте бурю!»

Как известно, шаткое равновесие ноосферы поддерживается немногочисленными Центрами излучения духовности. Важнейший из них – Великий Владимир, сокрытый глубоко под нашим Вышгородом. Но этот древний город был оставлен и сокрыт не случайно. Порождение чудовищного Ацилута – космического дракона первовремён, – скрывающее смерть золотое яйцо было, согласно преданиям, отложено в самом его сердце. Пока силы Руси были велики, оно не представляло угрозы, мудрые сомкнули над ним своды. Но силы бездны, великой пустоты не забыли о нём. Усилиями магических кланов оно веками медленно поднималось к поверхности, чтобы однажды, достигнув земли, породить Зверя. Это случится в четверг и станет началом конца для этого мира.

Так гласят легенды.

«Чепуха!» – скажете вы. Но почему тогда такой пристальный интерес к нашему городу со стороны иноземных спецслужб и доморощенных магических кланов? Архивы КГБ, возможно, откроют нам, кем полвека назад на Александровом Погосте был принесён в жертву японский полковник и какие цели преследовал этот зловещий ритуал. Пока мы можем лишь догадываться.

Может быть, пока новорожденный Зверь будет ещё слаб, иерархиям удастся уничтожить его. Но даже если этого

не произойдёт, отчаиваться не стоит. Избранники рода человеческого, прямые потомки древних русичей, несомненно, будут эвакуированы с земли инопланетными кораблями.

Текст 5

Закончив читать, Ипатий расплылся в довольной улыбке. Это был след. Бесценная рукопись, казалось навсегда ускользнувшая от него, явно побывала в руках написавшего эту галиматью придурка. Красным фломастером он подчеркнул «белого сокола», «Ацилут», «яйцо», «четверг» и два раза «Вышгород».

Мгновения зависли как пылинки в солнечном луче. Тишина сконцентрировалась вокруг стола, свернулась коконом, выдавая себя лишь лёгким дрожанием воздуха. Момент выбора обозначился пугающей лёгкостью свободы. Он может выбросить эти бумажки, открыть дверь и...

Ипа с усилием проглотил слюну и потряс головой. Странный приступ прошёл, он снова услышал стук часов.

Опять. С этим надо что-то делать.

Действия его были не совсем обычны. Он вскочил, свернул висящую на стене шитую шёлком буддийскую икону и постарался запрятать её куда-нибудь возможно глубже. Перед глазами его стояло лицо всучившего её спившегося адепта. На этом лице читалось облегчение.

Нет, тогда Ипатию казалось, что он совершил исключительно выгодную сделку. Но теперь он понимал, что с этой вещью что-то не то.

* * *

– Собрался, значит, Ельцин на рыбалку. Он любит, там, на Север, в Сибирь. Собрал семью: чемоданы, собака... Тут вбегает Ястржембский: «Ты это куда собрался?». Ну, Ельцин – «У меня, типа, билет на самолёт...» А Ястржембский – «Да через 10 дней Рохлин восстание поднимает!» А Ельцин – «Ты чё?! Да я этого Рохлина с кровью смешаю!» Так и сказал: «С кровью смешаю!», по телевизору говорили, я точно запомнил. «С кровью смешаю!». Он убил.

(удалено цензурой)

Хе-хе-хе. Доказательств много...

«Боже, почему они такие идиоты», – подумал Ипатий, глядя на нетрезвого оратора и внимающих ему толстых тётток, плотно засевших сиденья.

Какой-то остряк сказал, что пассажиры автобусов делятся на садистов и стойков. Последним всю дорогу приходится стоять. Сегодня Ипатий против воли очутился в числе последних.

– Мы вот с вами сидим в этом автобусе как луч света в тёмном царстве. Как у Горького, хе-хе-хе, в пьесе «На дне». А молодые все одурманены, от 40 до 16-ти. Все! Может, аме-

риканцы чего со спутника подсыпали? Американцы – они могут. Вот недавно задержали одного, хотел водохранилище отравить. «Кто послал?» – спрашивают. Говорит: «Америка». – «Ну ладно, – говорят, – раз сознался, отпускаем». Только полную сумку микробов отобрали...

– Вылезай, Михалваныч, приехали! – заорала мордастая кондукторша. И водитель терпеливо ждал, пока нетрезвого Михалваныча поднимут с сиденья и спустят в дверь. Не сумев удержаться на ногах, Михалваныч задумчиво поглядел в небо, видимо, решил, что ещё рано, и продолжил отдых у обочины.

Автобус всё ещё стоял когда, наконец, кондукторше удалось добраться до того места, где стоял Ипатий.

– Проезд оплачиваем!

Послушно отдав деньги, он по привычке к порядку глянул на купленный билет и лицо его пошло красными пятнами.

– Это не тот билет! – сказал он ледяным голосом. – Это билет не на ваш маршрут!

Ничто так не раздражало его в родной стране, как вот эта мелкая нечистоплотность.

– А какое вам дело, мужчина, купили себе и ехайте!

– Дайте мне другой билет или верните деньги! – строго ответил Ипатий.

– Ишь, граф Монте-Кристо какой! Проезд оплачиваем гражданочки! – сказала в ответ глупая кондукторша

– Не оскорбляйте меня. Это мошенничество. Верните

деньги или будем объясняться у диспетчера!

– Вы, гражданин правозащитник, с кем хотите объясняйтесь! Находятся же такие!

Увы, глупая баба не знала, с кем имеет дело! Теперь Ипатия можно было резать на куски, но челюсти он не разомкнёт. Ещё в школе Ипатия прозвали бульдожкой, с ним не связывались самые отчаянные бугаи, даже Рудька из «А». Все знали, что если в глазах Ипы появилось это высокомерно-обиженное выражение, то бить его бесполезно – он дойдёт до директора, дойдёт до РОНО, месткома, парткома, горкома и исполкома. Сам Ипатий называл это принципиальностью.

Покидая салон, выталкиваемый могучим водителем, он был почти счастлив, как распинаемый на кресте мученик, который в упоении созерцает картину геенны огненной, уготованной для мучителей. И так и не понял, что произошло, когда по-прежнему безмятежно посапывавший у дороги Михалваныч, едва отошёл автобус, с необычайной резвостью вскочил и напрыгнул на него, как огромная кошка. Тяжёлый мягкий удар – и зрачки Ипатия уплыли куда-то внутрь.

– Попался, дитятко! – пропел алкаш и, подхватив бездыханное тело под руки, поволок его через поле к горевшему у края леса одинокому огоньку.

* * *

Сжав зубы, чтобы не застонать, Ипатий разодрал глаза. Сероватый полумрак. Светящаяся медуза. Бред, бред! Страшно ломит затылок. Он зажмурился. Убили, убили всё-таки. От жалости к себе он заскулил. Снова открыл глаза. Полумрак. Медуза. Пить! Всхлипывая, Ипатий начал шарить вокруг себя. Пустота. Он застонал. Снова вернулось за-бытьё.

Когда он снова очнулся, было почти светло. Он лежал на полу в неясно знакомой комнате. Горящая настольная лампа отбрасывала на потолок странную тень. Осторожно пошевелил руками, ногами. Попытался перевернуться. Перед глазами всё поплыло. «Пить», – простонал он. Рука нащупала холодный стакан. Приподнявшись, он привалился к стене, хлебнул. Внутренности обожгло, в ушах загрохотало. Ему померещилось, что над ним склонился огромный бронированный жук. Потом он долго и надрывно кашлял, пока в голове не прояснилось. По всему телу разлилась приятная теплота. Шевелиться и думать не хотелось. Кто-то дышал у него над ухом и Ипатий всё-таки спросил:

– Кто здесь? – спросил просто по привычке, потому что на самом деле ему было абсолютно всё равно.

– Бог, – пошутил кто-то.

– Господи? – переспросил Ипатий удивлённо.

– Ага, – сказал голос – ты, эта, хлебни!

Ипатий почувствовал, что стакан снова полон. Он выпил,

и на этот раз голова прошла окончательно.

Он сидел в почти пустой комнате. На столе лампа. Два табурета. Неземного вида агрегат. В голове смутные обрывки воспоминаний, смахивающие на сновидения.

«Инопланетяне», – подумал он удовлетворённо и заулыбался.

– План брал? – мягко спросил голос.

Ипатий замотал головой.

– Платок шелковый с Буддой? Брал?

– Брал, – умиротворенно сказал Ипатий.

– Ну и лапушки, ну и на здоровье.

Документ 3

Сообщение д-ра Майкла Гопника (Чикаго), на международной конференции в Вышгороде.

По поводу одной ивритской рукописи.

Уважаемые коллеги! Уже находясь в России, мне удалось познакомиться, среди материалов конференции, с переводом восточной (судя по всему, ивритской) рукописи, выполненным мистером Бесштановым, увы, с недоступного мне оригинала. К сожалению, последнее обстоятельство делает невозможным сколько-нибудь серьёзные научные выводы.

Тем не менее, несомненное сходство рукописи Бесштанова с содержанием случайно сохранившегося отрывка ирландской саги «Повелитель Тары» заставляет всерьёз задуматься о совершенно неизученных еврейско-ирландских культурных связях в эпоху средневековья. Особо останавливает внимание несомненное сходство представлений о мирозидующих функциях соответственно еврейского и огамического алфавитов. Однако, во избежание скоропалительных выводов, я намерен ограничиться публикацией в материалах конференции выполненного мной перевода саги.

Повелитель Тары

...сколько хранителей имеет Тара?

Нетрудно ответить: четырёх хранителей.

хранитель севера правит от Самайна до Имболка,

хранитель востока, от Имболка до Бельтайна,

хранитель юга, от Бельтайна до Лугназада

хранитель запада, от Лугназада до Самайна.

Чем прославлены они?

Нетрудно ответить:

На западе – мудрость.

На севере – битва.

На востоке – изобилие.

На юге – музыка.

В центре – власть.

Кто же правит в центре?

Нетрудно ответить: король правит в центре. Ибо, воистину, королем достоин называться правящий там.

Как называют его?

Тельцом называют его, Опора его имя. Ибо воистину он опора Тары.

Каково же величайшее из его сокровищ?

Нетрудно ответить: три волшебных зеркала его сокровище. От единого источника произошли они.

Каковы же их свойства?

Воистину чудесными свойствами обладают они. Ведь, заглянув в одно, узнаешь всё бывшее, в другое – то, что есть, хотя бы и за морями, в третье – то, что случится.

Какими ещё свойствами обладают они?

Удивительными свойствами. Ибо нет в Таре ничего, что не было бы создано с их помощью. Воистину, волшебными свойствами обладают эти зеркала.

Какими ещё сокровищами владеет король Тары?

Удивительными сокровищами. Волшебная сеть из одной нити – сокровище короля Тары.

Что это за сеть?

Удивительна эта сеть. Целое войско спутает она. Никто не вырвется из сети владыки Тары.

Кто же соткал её?

Три ткачихи соткали её для короля. Бригита, Власть и Тёмная их имена.

Нет ли у них других имен?

Есть. Бригитой зовут каждую из них.

Не из огама сплели ли они эту нить?

Воистину, из огама сплетена она.

Не Огамом ли называют ещё короля Тары?

Да, так его называют.

Есть ли ещё у него имена?

Да, много имён у властителя Тары.

Есть ли ещё чудеса в Таре?

Да, удивительное дерево растёт там. Три корня имеет оно.

Один корень на земле, другой под землёй, третий на небе.

Воистину, огромно это дерево.

Есть ли ещё чудеса?

Да, много чудес, удивительные чудеса!

Придёт ли конец владычеству Тары?

Да, придёт, когда ночь Самайна придётся на ночь Лугназада. Воистину великая это будет ночь!

Грохот копий. Слава героям.

Ночь без края. Звёзды потухнут.

Змей явился – исчадь бездны.

Древние боги стали на битву.

Смяты оплоты. Крепости рухнут.

Сын на отца поднимет руку.

Великая битва. Горе спящим.

Древние саги станут ложью.

Что будет после этого?

Прекрасный мир, новый мир. Новые боги. Прекрасная Та-
ра.

Глава 3. Баал

Текст 6

Стена, наглядная как пособие, серая, в трещинах и лишайниках, с муравьиными ходами, шероховатая. Можно прислонить лицо. Густая щетина мха, запах каменной пыли, выстрел. Кровь уходит толчками, как пробивающийся сквозь землю родник. Тишина.

Стоянов пьёт большими глотками. Просыпается. Снова пьёт.

Талая вода, ледяная, журчащая в беззвучии бездонного горного ландшафта. Под кустом чья-то окровавленная нога.

Снова просыпается. Пьёт. Потягивается в кресле. Ощупывает щетину, трёт виски и снова перечитывает протокол:

Грибов Герман Анатольевич. 1965 года рождения. Кличка Гриб. Причина смерти: острая сердечная недостаточность. Труп нашли в третьем подъезде дома №13 по Метростроевской.

Кузнецов Алексей Петрович. 1966 г. р. Кличка Рыжий.

Якобы обнаружил труп Грибова. Скончался у себя дома спустя неделю. Причина смерти: острая сердечная недостаточность.

Фера Луций Леонардович. 1968 г. р. Кличка Вельзевул. По показаниям свидетелей проживал у своей сожительницы Вереск Натальи Александровны в третьем подъезде д. №13. Последний человек, которому звонил Кузнецов. Труп обнаружен на надгробии на Салтыковском кладбище. Причина смерти: передозировка наркотиков.

Вереск Наталья Александровна. 1986 г.р. незадолго до смерти Фера выехала в неизвестном направлении. Местонахождение неизвестно.

Аронов Ипатий Сергеевич. 1975 г.р. проживал в д. №13 по Метростроевской, в третьем подъезде. Пропал без вести. Объявлен в розыск.

Почему исчезают люди? Обычно у них бывают на то веские причины. И рано или поздно они находятся. Живые, мёртвые. Но процентов 20 просто исчезает в никуда. Нипочему. И навсегда.

Стоянов пододвинул папку с последними публикациями Аронова.

Интересы Ипатия Сергеевича лежали преимущественно в области сверхъестественного. Летающие тарелки, контактёры, новая хронология, палеовизит, спиритизм и тому подобная хреновина.

Вот недописанная статья. Про адепта тайных наук Виктора Вещуна с указанием адреса.

Адрес был фальшивым. Не было в совхозе Имени 60-летия такого дома. Улица была, а дома №3 не было. Односторонняя улица. Не улица даже – выселки.

Но и те дома, которые были, казались мёртвыми. Заросшие огороды, заколоченные двери, зарастающая бешеным огурцом ферма с проваленной крышей, остов трактора.

Он даже полазил по грязи и буйным репейникам, забрался в соседний дом. Да здесь давно никто не жил, толстый слой пыли и извёстки на полу служил гарантом. Но всё-таки народ в этих местах бывает. Окурки от дорогих сигарет бросает, банки из-под пива недавние. Он нагнулся и поднял с земли промокшую книжицу без обложки. Стихи народ читает.

А показания соседей были интересные:

– Витька-то колдун? Живёт, как же. На Выселках живёт. А х... его знает, где он там живёт. Живёт и живёт. Ходят к нему иногда. А х... его знает, куда ходят. Спросят, где Выселки, и идут. Нет, чтой-то давно его было не видно. Не, наши к нему не ходят. Ну его на х..., психического...

В машине Стоянов разглядел свою добычу поподробнее. Сборник стихов некоего Ария Арова. Был издан в прошлом году в городе Вышгород.

Как интересно – подумал тогда майор Стоянов.

А вот и ещё одна зацепочка. Он достал из конверта и аккуратно развернул письмо, найденное на столе Ипатия.

«Дорогой друг! Вы – избранник. Именно Вам выпал уникальный шанс принять участие в кардинальной реорганизации мироздания. Вы избраны не в силу Ваших заслуг, такова Ваша судьба.

Дорогой друг! Если Вы верите в нерушимость нынешней системы вещей, то Вы глубоко заблуждаетесь, только Ваша вера и поддерживает её существование. Как только будет накоплена критическая масса людей, посвящённых в тайну будущего мира и его законов (т.н. праведников), произойдёт скачок, и старый мир внезапно прекратит своё существование.

Массы людей ещё ничего не понимают, но всё уже изменилось. Везде действуют новые правила игры. Вспомните, как это было с распадом СССР. То, что ещё недавно казалось вечным и всемогущим – П-ф-ф! – и его больше нет!

В выигрыше остаются только те, кто заранее осведомлён. Скоро в новые ворота хлынут миллионы сообразивших, в чём дело. Но поздно! Билеты на ковчег есть только у вас. Вы монополист, Вы – вершитель судеб. По-нашему это называется «хороший бизнес».

И ускорить наступление этого часа в Ваших силах! Это случится, как только будет избрано 10 000 праведников.

Внеся залог в 10 000 долларов, Вы автоматически ста-

новитесь праведником-менеджером первого уровня. Найдя 10 новых праведников, Вы становитесь менеджером второго уровня, и возвращаете свой залог. Менеджер третьего уровня, возглавляющий сеть в 100 праведников, получает золотой сертификат и место в Галактическом Совете после свершения времён.

Далеко не каждый человек может стать праведником, для этого нужно знание законов нового мира и абсолютная вера в успех. И то, и другое вы можете получить только на наших международных и межпланетных конференциях (200 и 400 долларов соответственно). Запомните, только 10 000 истинно верующих праведников способны изменить мир. Поэтому на каждую вакансию праведника подбираются несколько кандидатов.

P.S.

Дорогой собрат, то, что Вы сейчас прочитали, обычно сообщается избраннику его менеджером только при личной встрече. Но поскольку число праведников уже почти исполнено, и признаки этого налицо, мы решили предоставить Вам и Вашим друзьям последний и уникальный шанс, воспользовавшись почтой. Дорогой друг! Мы приглашаем Вас на межпланетную конференцию, возможно последнюю в этом зоне, которая состоится в городе Вышгороде, в доме отдыха «Светлый путь» 17 числа сего месяца.

Межгалактический комитет русских праведников».

Вышгород был подчёркнут. Интересно. В этом самом Вышгороде по данным Стоянова последнее время обреталась Фира, экс-супруга сгинувшего Ипатия. А ещё в Вышгороде жил Женя Ши.

* * *

Стоянов разыскал его с месяц назад. До этого он не видел Женю лет десять. Искал долго, напористо, без видимой цели. Словно чувствовал, что он может понадобиться.

Специальная группа Стоянова шла тогда по следам банды сатанистов. Её вожака Мирко отличала фантастическая удачливость. Обстоятельства словно подыгрывая ему, удавом сжимались вокруг жертвы, не оставляя ей не единого шанса. Разболевшийся зуб, перебежавшая дорогу кошка, плохое настроение автоинспектора оказывались звеньями дьявольского плана Мирко, медленно сжимались петлёй на шее обречённого.

Стоянов приехал к Жене ближе к вечеру, без предупреждения (телефона у Жени не было), но тот ничуть не удивился, встретил со своей обычной застенчивой чуть растерянной улыбкой. С ним всегда было просто. Он мало изменился, всё такой же круглый и задумчивый, только манеры, пожалуй, стали ещё мягче.

Сидели во дворе под липами. Когда-то Женин дом был

дворянской усадьбой и от неё остался заглохший сад с деревьями-ветеранами. Там Женя поставил стол, устроил беседку из москитной сетки и повесил зелёную лампу.

– Я вот одного не пойму, – говорил Стоянов, – как это у него всё получается? Говорят, он жертвы человеческие приносит. Что, в таких делах это вправду помогает? На этом Мирко трупов как шаров на новогодней ёлке... И ещё, как мне его ловить-то? Крестами, что ли, обвеситься? Ты умный. Посоветуй что-нибудь.

– Знаешь, Ваня, – тяжело вздохнул тогда Женька, – единственный в этой ситуации умный совет – не соваться, но даже его я тебе дать не могу.

– Но как это у него выходит, как он мог так подгадать, ты можешь мне объяснить?

Женька сконфужено улыбнулся и пожал плечами:

– Ты до сих пор думаешь, что вещи твёрдые. Но они такие, только пока ты внутри. Когда ты окажешься снаружи, ты увидишь лишь мелькание теней.

– Угу, – промычал Стоянов, ковыряясь в зубах, – но мне больше нравится внутри. И вообще, мне нравится так думать. Это некоторую уверенность придаёт.

– Представь себе, что ты стоишь посреди реки и смотришь вниз по течению. События накатывают на тебя со спины, кружатся, плывут дальше. Если развернёшься, увидишь, как они наплывают. А Мирко стоит, так примерно, десятью

шагами выше. Но чтобы до него добраться надо идти против течения, понимаешь?

– Угу. Понимаю, что не хрена не понятно. Но спасибо и на том. – Стоянов поднялся.

– погоди, Ваня, кое-чем я тебе все-таки помогу. – Женя опустил глаза – Дело в том, что я совершенно случайно знаю этого человека, о котором ты говоришь, этого Мирко. Правда, это было очень давно. Его фамилия Паралич. Мирко Паралич. Он родом из Боснии. Я даже знаю, где у него дача.

* * *

Брали банду прямо в особняке у Мирко. До этого прослушивали несколько дней.

– Мирко, вот ты бог, – спросил бандит по имени Лёха, – скажи, зачем всё это?

– Что это?

– Ну, всё, вообще, – он сделал жест, словно хотел очертить линию горизонта. Сидели в полумраке, только в камине потрескивали поленья.

Мирко усмехнулся.

– Это как селекционная станция. Отец мой бросает семена, и одни падают на дорогу, другие на сухую каменистую почву, третьи на жирную. И появляются всходы – одни тонкие, другие жирные. А ему плевать. Ему ворсистость подавай. Есть – на семена, нет – извини. А те, что на дороге вы-

росли или камне, ему, может, ещё милей – жизнеспособные, значит. Те, кто делает зло, хоть их пугают адом, – крутые ребята, они годятся. А если б за добро в ад посылали, сколько б нашлось добряков? То-то. Вот те настоящие бы и были. Отец мой любит Богом прикинуться, чтоб всех обмануть, святых там всяких. Только они на рай настроились, а он их – р-аа-з и в ад.

Ребята заржали.

Снова загрохотало, так что задрожали стёкла. Небо будто треснуло, и на землю обрушился ливень пополам с градом.

– Знайте, что время, которое я проводил с вами, подходит к концу. – На этот раз смех Мирко подхватил только придурковатый Славик.

– Пора, идите все. Я хочу остаться один.

– Мирко, куда мы пойдём – гроза, – сказал Ашот.

– Куда хотите, но кого не замочит дождь, замочу я.

– Они выходят, – доложил наблюдатель, – идут к машинам.

– Все?

– Вроде все.

– Огонь! – скомандовал Стоянов.

Гром заглушил звуки выстрелов. Двое рухнули сразу, убитые снайперами. Третий успел повернуться, когда его с шести шагов в висок уложил капитан – командир группы.

Лёха чуть отстал. Натренированным чутьём почуяв опасность, он отскочил резко влево и покатился в кусты малины, доставая пистолет. Его выстрел ожёг капитану щёку. Вся группа сосредоточила огонь на малиннике.

– Отставить! – скомандовал Стоянов, – пятого нет. На дачу!

Когда группа ворвалась на дачу, та была пуста.

Единственная свидетельница, имевшая выход на Мирко, пропала на следующий день. На глазах наружки она села в белую Ладу и вместе с ней словно растворилась в пространстве.

С тех пор Стоянов думал о Мирко направлено, думал в трудные минуты, когда накатывали усталость и безразличие, когда разглядывал в зеркале раннюю седину и слушал тишину в пустой квартире. Когда после успешной операции ощущал только пустоту. Он вспоминал о Мирко, словно тот был его оправданием. И больше всего боялся пропустить тот момент, когда Мирко нанесёт ответный удар, мгновение, когда в событиях проявится неуловимая сгущающаяся странность, фальшь, маскирующуюся под случайность и произвольность. Он знал, что Мирко никогда не прощает.

* * *

Стоянов пил кофе. Иногда это помогало. Разогнанные

светом лампы сумерки отступили за окна, насупились темнотой. Он думал про Мирко и про Женю. Мирко бывал на Метростроевской, его опознали по фотографии. Женя его знал.

С усилием разодрав веки, он принялся за последнюю, незаконченную статью Ипатия.

«На столе передо мной лежит старинная тибетская икона. Изображённый на ней белый сокол на руке неведомого божества не характерен для буддийской иконографии. Возможно, изображая его, художник хотел передать какое-то важное сообщение, может быть о прибытии этого персонажа с неба. Почти правильный голубой круг – это явно озеро или, точнее, воронка, образовавшаяся при падении небесного тела. Освобождённые при падении разрушительные энергии символизируют четыре буйных демона по сторонам. Сложный лабиринтоподобный узор под креслом пилота, скорее всего, изображает механизм или рвущееся из сопла пламя.

Может быть, художник изобразил прибытие одного из ковчегов, призванных вывезти с подлежащей уничтожению Земли избранных. Или корабль Антихриста, пребывавший из тёмной половины Вселенной, и до поры до времени успокоившийся на дне озера...»

«Интересно, я ещё читаю или уже сплю?» – промелькнуло в голове Стоянова.

Проклятая стена была на прежнем месте: глухая, слепая, немая. Можно идти вдоль, можно биться головой.

«Зачем она мне? – с отчаянием подумал Стоянов, – надо просто отвернуться и идти в другую сторону!»

И, словно кто-то услышал и испугался, – Стоянов увидел трещину. И услышал далёкий шум прибоя. Или это река?

* * *

Лилось в ванной. Чёрт, снова заснул. Почему-то было темно. Стоянов протянул руку к выключателю. Света, что ли, нет. Мобильник тоже был мёртв. Сколько же времени он проспал?

Плеск воды усилился. Она падала в ванну тяжёлой прерывистой струёй, словно кто-то то подставлял под неё, то отводил руку, как будто приглашая подойти посмотреть. Образ речки с небольшим водопадом вставал всё отчётливее.

«В десяти шагах выше, значит? – усмехнулся про себя Стоянов, – стоит и палочки пускает. Брёвнышки. Зашибёт – не зашибёт?»

Остановив дыхание, Иван бесшумно вывалился из кресла, тенью скользнул к шкафу, потом к окну и спустя секунду, повиснув, как паук на стене, осторожно прикрыл его снаружи. Спустился вниз по лестнице соседнего подъезда, на ходу вставляя в обойму серебряные патроны.

На стоянке он воспользовался чужой машиной. Потом

сменил её на мотоцикл. Эту ситуацию он обдумал заранее. Козырем Мирко была фантастическая способность заранее просчитывать все ходы и расставлять ловушки. Но ведь можно действовать абсолютно произвольно, не правда ли?

Как можно вычислить человека, который сам не знает, что он сделает в следующую минуту? Человека, способного совершать абсурдные поступки?

Выехав из города, Стоянов затормозил на перекрёстке. Итак, направо или налево? Внутренне ухмыляясь, он подбросил монетку. Решка. Налево.

Всё реже и реже вспыхивали по сторонам дальние огни. Дорога захватила его, унося остатки усталости и тревожных мыслей и награждая почти звериной слитностью с пространством. В туманной свежести лугов ему чудился запах далёкого моря. А может быть, это и было море. Древнее море, выступившее над равниной бескрайней туманной пеленой. Когда мотор заглох, он, бросив мотоцикл, пошёл наугад через ночной луг.

В высокой траве кто-то скрипуче кричал. Трава была выше пояса. Местность пошла под уклон, под ногами зачавкало, загудели комары. Внезапно стало холодно, словно он погрузился в холодный туманный поток. Речушка была крохотной, и он перешёл её вброд. Чуть выше снова стало тепло. Стоянов засмеялся – вспомнилось детство. Заночевать посреди луга – пожалуй, это самый нестандартный вариант. Впереди чернели деревья. Пелена тумана над речкой загу-

стела, поплыла. Теперь казалось, что между холмами струится огромная белая река. За деревьями оказалась поломанная ограда. За ней какие-то турники, веранда. Видимо, брошенный пионерлагерь. В тёмном двухэтажном корпусе мелькнул огонёк. «Стоп», – подумал Стоянов.

Но что-то привлекло его внимание. Дамская сумочка у скамейки. Зачем она тут лежит? В тени под навесом белела Лада. «Бежать!» – прокричал инстинкт самосохранения. «След!» – гаркнул мент.

В сумочке он нашёл студенческий билет, теперь сомнения отпали – это была она, пропавшая свидетельница. Стоянов скользил бесшумно, как кошка. Вскоре он нашёл женскую туфлю.

Куда он мог её деть? Или в корпусе, или в котельной.

Внезапно жалобно зазвонил испорченный мобильник.

– Да?

– Она в подвале под корпусом.

– Кто это говорит?

– Стоянов, не пытайся казаться глупее, чем ты есть. Я жду тебя. Дверь в корпус открыта, я на втором этаже. Чтобы тебе было удобнее ориентироваться, я зажгу свет.

Одно из окон засветилось.

– Почему ты думаешь, что я приду?

– Хотя бы из любопытства. И потом, какой у тебя выход?

Мирко сидел в кресле, заложив ногу за ногу, и чуть замет-

но улыбался.

– Я надеюсь, что у тебя хватит выдержки не суетиться и не делать глупостей?

– Ладно, о-кэй, твоя взяла. Что ты хочешь?

– Мне нужна твоя душа.

– А фиг тебе! – с удовольствием сказал Стоянов.

– Ты поступил нехорошо. Зачем ты убил моих ребят?
А впрочем, я тебя прощаю.

Стоянов промолчал.

– Но, к сожалению, это ничего не меняет, – печально сказал Мирко, – всякий, бросивший мне вызов, обречён, такова воля Отца Моего. У тебя впереди вечность, и будет время подумать о своей ошибке. Сколь скудна человеческая фантазия! – ад ничто перед тем, что тебя ждёт.

– О-кэй, имеются варианты? – выдавил из себя усмешку Стоянов. Он вдруг ясно понял, что Мирко не врёт.

– Поверь в меня и завтра же будешь со мной в Царстве Отца Моего.

– Что я должен делать?

– Ты хотел бежать от меня, но это невозможно, ведь я – это и ты тоже. Твой единственный шанс на спасение – принять смерть сознательно и добровольно, умерев от собственной руки во славу мою.

Он подвинул Стоянову лист бумаги и ручку:

– Пиши: «Я тяжко виноват. Передаю душу мою в руки Ваала». Подпись.

Стоянов молча расписался.

– Я не ошибся в тебе, – голос Мирко был ласков, – там, в соседней комнате табуретка и петля. Я рад, что теперь ты будешь с нами.

Он махнул рукой назад, показывая направление, и сам остался сидеть неподвижно, даже когда Стоянов оказался у него за спиной.

Пройдя четыре шага, Стоянов обернулся и аккуратно всадил Мирко в голову всю обойму.

Потом он вышел во двор. Светало. На крыше, нахохлившись, сидел белый сокол. Или ястреб? Чёрт их разберет. На пожарном щите он нашёл топор. Придётся ещё потрудиться, где-то здесь росла молодая осина.

* * *

Паралич Мирко Иосипович. 1980 г.р., гражданин Боснии и Герцоговины. Причина смерти: множественные пулевые ранения в области головы. Грудная клетка пробита деревянным колом. Труп обнаружен в заброшенном корпусе бывшего пионерского лагеря «Золотой восход».

Власова Людмила Ивановна. 1985 г.р., бывшая сожительница Паралича. Причина смерти: сильная кровопотеря. Труп найден в подвале того же корпуса.

Текст 7

– Имя ему Баал.

– Но это не имя!

– Имя его сокрыто. Ты же можешь называть его Баал зебуб – повелитель мух.

Он был невообразимо громаден, великие пирамиды потерялись бы у его ног. Громаден и чудовищно, непропорционально мускулист. Страшную грудь скрывала роскошная завитая борода. Равнодушно-неподвижная маска, застывшая на нечеловеческом лице, лишала остатков надежды. Перед звероподобной мощью этого каменного истукана Люцифер показался бы плюгавым интеллигентом.

«Силой мышцы своей...» – Евгений вздрогнул.

Вокруг не было даже барханов, на 10 дней пути только растрескавшаяся сухая земля, твёрдая как железобетон. Словно всё вокруг было выжжено чудовищными неземными энергиями.

«Слава Господня, – понял Евгений. – Наверное, это что-то вроде радиации».

Но что-то смущало его, смущало сильнее, чем нарастающее желание зарыться в песок, сгинуть, исчезнуть из-под испепеляюще-равнодушного взгляда, и вдруг он осознал – что: гигант не отбрасывал тени!

Вельзевул сидел в кресле, закинув ногу за ногу, и усмеялся. Худой, сутулый, почти горбатый, ехидный, он говорил, растягивая слоги: «Эу-ге-ни-оо! Па-а-нравилось? Э-таа шутка. Я его п-аа-ставлю в Та-а-кла—Макан, в саа-мой середине!»

Перехватило грудь, закружилась голова – в комнате было не продохнуть. Вельзевул с Рыжим смолили почти непрерывно и запрещали открывать окна. Это называлось у них «рабочая атмосфера». Рыжий был уникальным специалистом по травмам, и что он подмешивал в табак, так и осталось для Евгения тайной.

В углу сидела босая Натаха – юная хозяйка квартиры, – в джинсах, топлес, и, не обращая ни на кого внимания, перебирая струны гитары, декламировала хайку. Кто-то подарил ей сборник. Сделав героическое усилие, она открыла его, и с тех пор больше не закрывала, временами говоря исключительно стихами.

Порой, выходя из транса, Вельзевул замечал её и говорил: «На-таашенька, прикройся, светик», – прочую молодёжь он в такое время вообще игнорировал.

Обитель Вельзевула (для друзей Буба) всегда утопала в грязи. На полу валялись окурки, пивные банки, бутылки, шприцы. На кухне громоздилась гора немытой посуды. Когда её накапливалось чересчур много, Натаха, рыча, колошматила всю грудку скалкой и заявляла гостям, что теперь они могут есть из тазика. Гости виновато переглядывались,

и вскоре на кухне появлялась новая посуда. Скорее всего, её привозил Мирко. Черноглазый и черноволосый, всегда элегантно одетый, в шелковой рубашке, с золотым перстнем-печаткой, он отдувался за всех: привозил еду, бегал за пивом, возил на своём шикарном Мерсе всю гоп-компанию на шашлыки, если Вельзевулу вдруг приходила мысль провести семинар на лоне природы.

Лоном именовался пустырь у оврага с вечно чадающими покрывками. Прокопченный куст бузины Натаха украсила компакт-дисками. Они висели на тоненьких ниточках и радужно переливались. Неподалёку Буба соорудил абстрактную композицию из пивных банок. Когда набиралось достаточно новых, скульптура пополнялась какими-нибудь очередными деталями. Ей полагалось кланяться, приносить в жертву авторучки и возглашать мантру:

О-оо-соо-а-вви-а-а-а-химм!!!

Здесь на лоне Вельзевул иногда добрел и, нисходя к младшей братии, произносил проповедь: «Гла-а-вное, дети мои, это чтобы было смешно!»

* * *

Ночь таскала их за шкуру как слепых котят, пряча по укромным уголкам памяти. Евгений съёживался, всей кожей и оголёнными нервами ощущая холодное дыхание хаоса. Хаос ходил вокруг дома безмолвный и безликий, пробуя

на ощупь стены, выискивая щели и трещины, разъедавая запоры и решётки. Из его глубин выходили причудливые звери, глядели огромными, как блюда, печальными глазами, и от их дыхания запотевали окна.

«Мы живём в чужом доме, – думал Евгений. – Он построен не нами и не для нас. Его оформленность не менее загадочна, чем внешний мрак. А нам он нужен лишь для того чтобы укрыться от ветра...»

Ворота, выставленные в ночь щитом от противоречий, запирали пространство смысла, и их кованые засовы, чёрные и страшные, останавливали натиск времени, дующего из ночной пустоты. Дом, укрывший за воротами и стенами потаённые смыслы своих аркад и дворов, безмятежно дремал, полнясь шорохами заплутавших мыслей, случайными видениями и полётами летучих мышей. Жильцы оставляли свои тени сваленными по углам, и они копились там годами и зарастали флюоресцирующими грибами, пока земля не возвращала им сущность праха.

Мирко и Буба отрастили себе огромные чёрные крылья и, укутавшись ими, часами висели вниз головой. Наверное, им так лучше думалось. В голове Бубы вызревали фантастические замыслы и поразительные планы. Придя в хорошее настроение, он превращал вещи в невели: под его взглядом они теряли смысл и назначение и, становясь мёртвыми конгломератами, пополняли коллекции Мирко. Натаха в очаровательной белой шубке с пятнышками задумчиво грызла

угол дома. За годы они прогрызли множество удивительных ходов, через которые в комнаты пробирался ночной сумрак. Но дом всё ещё стоял, построенный удивительно прочно.

– Просто раньше он был деревом, – сказал Рыжий, – и у него остались глубокие корни, даже когда Основная Программа сделала его домом.

* * *

Рыжий начертил на стене мелом круг и сказал: «Это – центр, назовём его... ну, скажем, „Алайя“. Там есть всё. Всё, что было, есть и будет и то, что никогда не случится. Чтобы быть господином Алайи, надо быть Богом, а его, как я подозреваю, нет».

Потом он нарисовал несколько чёточек, и круг превратился в солнышко с лучами: «Это «программы». Всё, что исходит от Алайи, имеет форму программы. Они определяют всё, что есть и, случается, и его форму. Программы можно составлять и самому, хотя это очень сложно. Если всё сделано правильно, они станут программами Алайи.

Каждая программа имеет свой «код». Узнав и применив код, вы получаете доступ к программе и вводите её в действие. Есть очень серьёзные, хорошо защищённые программы, проникать в них очень интересно. В чужие программы можно вставлять свои вирусы. Почти все широко известные колдовские программы заражены вирусами. Поэтому, во избежание неожиданных последствий, применять их не стоит.

Преимущество Астрала в том, что любую программу ты можешь визуализировать в доступной тебе форме – например, Основная программа для меня выглядит как замок».

Основная Программа, если глядеть на неё в упор, действительно выглядела как неприступный замок – уходящая в небо стальная гладкая колонна, окружённая металлически-поблёскивающими стенами с башнями и бастионами, вгрызшимися в гранитную скалу. Но Евгений чаще видел её как дом, точнее, как стальной каркас дома.

Это была не просто программа, а целый пучок программ, сверхпрограмма, доминирующая и ведущая главную тему в симфонии мироздания. Взломать её – стало в их компании навязчивой идеей. «За-а-нуды. – сказал Буба. – Я так и знал, что Бог – за-а-нуда. Спорим, я сделаю л-у-у-чше».

Первым на штурм пошёл Гриб. Огромный, заросший диким волосом, с роскошной ассирийской бородой, он обладал совершенно неземным, нечеловеческим чувством юмора. Едва выйдя из транса, он начинал гоготать «Га-га-га!» и пожирал, чавкая, шпроты, вытаскивая их руками прямо из банки, рассказывая одновременно о каком-нибудь потустороннем приколе. Он считался самым крутым, даже Вельзеул его уважал: «Потенциально он всемогущ, но актуально невменяем». Со временем Гриб вообще перестал выходить из транса, и встретится с ним можно было только в астрале или, как здесь говорили, – в междунетии, да и то с трудом.

Его крупное тело, торчащее посреди комнаты, обитатели использовали как вешалку.

– Эти ребята верующие, – сказал Евгению Рыжий, – они веруют в Мозг, и думают, что на него непостижимым образом замкнуты все программы. Мозг контролирует всё, превращая людей в марионеток. Они мечтают добраться до него и прикончить, вернув людям свободу. Видимо, под этим словом они подразумевают хаос. Но весь ужас в том, что никакого Мозга не существует. Разве что они сами его создадут.

– А что тогда есть?

– Трудно сказать, вернее, трудно описать. Я предполагаю, это что-то вроде зеркальной сети или калейдоскопа, где бесконечно отражаются несколько случайно найденных стекляшек. Всё новое – это только перекомбинация отражений.

* * *

Когда Евгений выходил на балкон, дом превращался в город. Хаос растворялся, прятался среди домов и машин. Город заполнял собой горизонты. Он гудел как гигантская муха на стекле неба, вбирая весь мир и набухая чудовищною квашнёю.

– Этот город болен, – говорил Рыжий. – Он живёт лихорадочной жизнью, абсолютно поглощённый собой. Каж-

дый день он прокачивает сквозь себя колоссальные потоки материи и информации. Его системы очищения и жизнеобеспечения перенапряжены. Он выглядит respectableм днём и блестящим – по вечерам. Но бурлящие потоки грязи и агрессии никуда не исчезают. Они здесь, под коркой асфальта. Кто знает, что происходит там внизу? Раскалённый мозг мегаполиса не может, не способен держать ситуацию под контролем, он может лишь решать непрерывно возникающие частные проблемы, непрерывно усложняя систему. И, в конце концов, эта система может зажить собственной жизнью, став антимиром. Подземелье – это подсознание города, полное неврозов. Читайте книги, читайте газеты, слушайте легенды. Мы не хотим думать об этом, но в то же время постоянно ждём оттуда чего-то ужасного. Гигантские крысы-мутанты, белые слепые крокодилы, неизвестные бактерии, кошмарные чудовища. Мы готовы поверить в их существование, мы подсознательно ждём их, ждём перепончатую когтистую лапу, которая протянется к нам из унитаза. Наиболее чувствительные уже сейчас сходят с ума. Они боятся спускаться в метро и требуют, чтобы замуровали люки и подвалы. Когда-нибудь загнанные в подземелье неврозы вырвутся на поверхность, и этот день станет последним для города, охваченного шизофренией. Призраки уже среди нас. Ничего не надо разрушать, всё рухнет само.

– Вы сумасшедший.

– Нет, я психоаналитик. И поэтому я здесь.

Текст 8

Сентябрь, ещё жарко. Мальчик сидит неподвижно, он ждёт. Толстая тётка всё копается и копается в своём хламе. Когда она, наконец, уйдёт, Женя незаметно прошмыгнёт в сарай, а там надо отодвинуть доску и, зажмурившись, прорваться прямо сквозь куст бузины.

Ветхие, покосившиеся, полусгнившие сараи таят немало удивительного – можно найти даже настоящую удочку. Но здесь пасутся многие, а про дырку под бузиной знает он один. Через неё можно пробраться за сарай. Там, у стены котельной осталось потайное пространство, заваленное грудями битого кирпича и буйно поросшее лопухами и крапивой. Стоит забраться туда, и ты свободен.

Там снаружи всё цепляется друг за друга. Ты бежишь по коридору под чужими взглядами. Справа, слева стены и двери с табличками. Там все всё знают, там всё предрешиено заранее и ничего нельзя изменить. А изменить-то надо всего ничего – убрать черчение, и жизнь станет светлой и прекрасной.

Но здесь, за сараями, пространство свободы. Здесь можно всё. Он понимает, что мало спрятаться от людей. Пока он видит, как они, знает, как они, боится, как они, ничего не получится. Он должен стать никем и тогда всё выйдет.

Пробравшись, он произносит вслух своё заветное жела-

ние, а потом сидит, часами глядя в выщербленную кирпичную стену, пока не забывает обо всём.

А где-то непостижимо и невидимо вращаются огромные шестерёнки, вертятся колёса. Они скрипят и тянут, тянут бесконечную ленту событий. И его желание, ставшее ничьим, вливается в неё и становится неразличимым, а лента тянется, тянется, тянется...

Ещё в детстве Женя любил рисовать сны. Сны делились на разноцветные, колкие, липучие и ненастоящие. Для каждого вида у Жени была своя папочка. Он был очень аккуратным ребёнком, потому что экономил время.

Он как-то сразу понял, что родился куда-то не туда, и поэтому научился всё делать быстро и хорошо, чтобы больше не придирались и поскорее оставили в покое. Сын китайского студента и бывшей харбинской эмигрантки, он рано усвоил: чем меньше тебя замечают, тем лучше. И быстро всё сделав, он сидел, прислушиваясь к тишине. Почему-то ему казалось, что это и есть самое важное, а остальное лишь досадные помехи. И его действия становились всё эффективнее.

Поступив с первого захода в университет, он не на шутку увлёкся философией.

В 18 лет он записал в дневнике:

«Мысль, должно быть, это что-то величественное. Я преклоняюсь перед мыслью оформленной, блестящей и беспощадной в своей логичности. Знакомство со схоластикой со-

крушило меня. Я понял, что никогда не умел мыслить и, что самое печальное, не научусь. Моя мысль, уклончивая, извилистая, видящая в любом рго его contra, ускользает от ответа и наслаждается игрой в перепады смысла и его подмену в многозначных понятиях».

Его увлечение марксизмом не на шутку встревожило родителей.

«Мир материален и, следовательно, един. Критерий истины – это практика. Познание – это овладение».

«Удивительно, что бытие, признаваемое всеми как философская категория, ни разу не стало объектом научного исследования. Жизнь человека и человечества, случайности, стечение обстоятельств, удача и неудача, непостижимая закономерность (реальная или кажущаяся?) в судьбах народов, желание и его реализация – все самые животрепещущие и важные проблемы почему-то были отданы на откуп спекулятивным умам. Создавая одну абстракцию за другой, они умножали сущности, но что стоило их знание, если оно не умножало власть?»

Он верил в науку и в то, что верное учение должно быть всесильным. Весь вопрос в инструментарии. Те инструменты, которые имели в своём распоряжении марксисты, разочаровывали. Ощущая себя богачами, они позволили себе роскошь пренебречь всем, что не вписывалось в окостеневшую парадигму. Где же здесь диалектика?

На той, теневой стороне методы лежали грудями. Тысяче-

летиями мистики, колдуны, прорицатели и адепты тайных орденов искали способы воздействия на реальность, используя метод неочевидных связей.

«Иногда эти методы эффективны. Иногда они даже подвергались формализации и рационализации на базе господствующей парадигмы. В этом плане наиболее интересна „Книга Перемен“. Однако в целом естественно-научные опытные методы воздействия на реальность оказались более эффективными. Найденные в политике и экономике рациональные и воспроизводимые средства вытеснили магию на задворки культуры, оставив ей область случайного».

Религия, гадание, интуиция...

«Исследованию подлежит „вязкость“ истории и бытия. То поле, посредством которого вечное и вневременное вмещается во времени и пространстве. Оно живёт в своём невидимом ритме, который воплощается в чёт и нечет земного бытия. То колесо причин и следствий, которое вращает шестерёнки жизни. Те невидимые приводы, которые связывают воедино механизм вселенского существования».

По привычке он продолжал рисовать сны и как-то даже составил карту своего сонного мира. Но всё чаще тропы сна выводили Женю куда-то вовне, в мир без сновидений, где был покой и тишина, но не было памяти. Полностью расслабившись, затаив дыхание, он пытался уловить хотя бы отблески потерянного, пока однажды ослепительно яркая вспышка

не озарила всё его существо.

Он вспомнил сон, невероятный по глубине и интенсивности переживаний. Это было звёздное небо. Пронзительное и бездонное, схватившие его за самую тонкую трепещущую часть души, никогда ранее не являвшуюся на свет. Никогда ни до, ни после с ним не случилось ничего подобного, но с тех пор ощущение живой бесконечности больше не покидало его. Он понял, что нашёл дверь, и теперь мог входить.

Увиденное за порогом превосходило всякое ожидание. Прекрасный и чудовищный, переливчатый и игривый, этот мир притягивал, как наркотик. Он был и смыслом, и целью, и запретным плодом. Мир ангелов и бесов, он вмещал в себя всё – рай и ад, Валгаллу и Тартар. Зыбкий и невероятно реальный, он обволакивал тебя, и каждый попавший в него становился главным героем величественного и феерического спектакля.

Но чем дальше, тем больше он убеждался, что этот мир гигантской космической игры был рабски прикован к земле, и те же невидимые импульсы, что тяжело ворочались, приводя в движение косную земную материю, вспыхивали яркими протуберанцами в рассеянной атмосфере астрала.

И он продолжал искать.

* * *

– Там, в астрале, есть закрытые ходы в запретные миры, – сказал Рыжий, – оказывается, это Основная Программа их запирает.

Запретные миры... Они надолго пленили его воображение. Не раз он видел их двери, наглухо замурованные гладкими, как стекло, плитами. Одна из дверей была вырублена прямо в гранитном утёсе у подножия стального замка. Рыжий сказал, что, видимо, раньше они отпирались очень просто, – эти заклинания и обряды он во множестве находил в старинных магических трактатах.

– Я подозреваю, что большинство древних чародейств, ныне бессильных, связано с запретными мирами. Но потом кто-то без предупреждения сменил пароли.

Проникнуть туда Евгению помог случай.

Вагон электрички пропитался жаром, почти непрозрачные от грязи окна, даже открытые, не желали впускать воздух.

– Если не дадите закрыться дверям, включу отопление! – но и чёрный юмор машиниста действовал на разомлевших пассажиров слабо.

На Выхино в вагон вплыла команда цыганок и, шурша юбками, рассредоточилась, выискивая жертву. Напрасно Евгений, уставившись в окно, пытался согнать с лица интеллигентность, его уже облюбовала самая старая и опытная ведьма.

– Счастья тебе, удачи тебе! Дай на ребёночка 10 копеек! Всё как хочешь будет. Не пожалей, дай, я тебе погадаю. Сам ты не местный, по особому делу едешь. Ой, опасность тебе грозит! – Стремительным движением цыганка вырвала у него прядь волос. – Заверни в денежку, заверни!

От неожиданности Евгений вздрогнул и протянул ей сотню. Стеклопанной плиты больше не было. Цыганка не отпирала её, она просто прошла, потому что не знала, что вход замураван. И Евгений смог пройти следом.

Это была долина богов.

В той долине всегда был туман. Он вошёл через чугунные ворота. Над головой сплелись чёрные голые ветви, заблудившаяся дорога всё глубже проваливалась в клубящуюся тишину. Вдоль бесконечных давно позабытых аллей белели и чернели статуи, бесстрастные, безмолвные, погружённые в сон. Они были здесь все – прекрасные и чудовищные, с шакальими и орлиными головами, корявые, причудливые... Бесконечный некрополь.

Но нет, это были не статуи. Иногда он чувствовал на себе пронзительные взоры... Вот приподнял увенчанную короной голову спящий за пиршественным столом король.

– Кто ты, смертный? – прошептал бесплотный голос над самым ухом.

Справа и слева меж деревьев мелькали дикие нечело-

веческие тени. Бесшумно прополз гигантский белый удав. Мелькнули какие-то искажённые ухмылкой чёрные лица. Скорее телом, чем ушами он уловил гул беззвучного там-та-ма...

В той долине Буба позднее и отыскал пленившего его древнего баала.

К тому времени они нашли постоянного проводника: это была полуграмотная деревенская бабка, лечившая от испуга и от живота. Они приходил к ней лечится от «чёрной немочи», и когда она приоткрывала дверь, входили следом. В то лето она неплохо подзаработала.

В одном из запретных миров Женя увидел скалистый остров. Серое море клубилось туманом. Три двуглавые горы хранили покой зачарованного замка. Три бездонных озера дремали у их подножий.

– Лорд Дугал Мак-Гайл, – сказал ему голос из водной глади, – время настало. Вы должны разбудить короля.

Но больше в этот мир ему попасть не пришлось.

* * *

Начало конца наступило, когда в квартире появился Бобус. Собственно, Ши видел его всего несколько раз. Тот показался ему очень старым, но при этом прыгучим, как мя-

чик. Судя по тому, как с ним разговаривал Вельзевул, дядёк оказался спецом.

– Эта, эта, – приговаривал он – давайте их ребята, растудить.

Каким то образом старикан разнюхал несколько кодов и отдал их Вельзевулу. Первая стена была взята.

Потом внезапно помер Гриб. Однажды он вдруг очнулся, загоготал. Провозгласил что-то вроде: «Вот человек, потерявший шляпу! А вот шляпа, потерянная человеком!» И помер.

– Пп-ри-д-уу-рок! – прокомментировал это событие Вельзевул.

– Это он злится, – объяснила Натаха. Гриб навсегда ушёл в междунетие, сменив коды всех своих программ, и никому не сообщил новые.

– И что теперь с ним? – испуганно спросил Витёк.

– Наверное, стал астралопитеком, – пожал плечами Вельзевул.

Потом также внезапно у себя дома умер Рыжий. «По-моему, меня пасут. Куда не пойду, везде двое чёрных, одинаковых. Наверное, это Основная Программа защищается», – сказал Рыжий за два дня до смерти.

После его кончины как будто что-то треснуло. На поминки поехали было на Лоно, но вдруг Вельзевул приказал свер-

нуть. Остановились в берёзовой роще. Буба долго молча бродил среди берёз и вдруг спросил:

– Что это, а?

– Берёзы, – осторожно сказал Витёк.

– Красивые? – спроси Вельзевул.

– Красивые, – ответил Витёк.

– А я не вижу, понимаешь, не вижу, что красивые, умом знаю, а не вижу. Везёт вам, – вздохнул Велзевул. А потом совершенно бесстрастным деловым голосом добавил: – Всё, притон закрывается.

Потом Женя не раз вспоминал их. Куда они делись – Витёк, Вельзевул, Бобус? Натаху он однажды видел, она играла на гитаре по электричкам. Кажется, она его не узнала.

Текст 9

Как ни странно сон освежил Стоянова. Словно свежая струя морского воздуха из щели в стене основательно проветрила ему мозги. Головоломка начала складываться во что-то вразумительное, и это что-то нравилось ему всё меньше и меньше. Неясная тень, маячившая за дымовыми завесами бредовых статей и странных совпадений, начала приобретать всё более ясные очертания.

Всё чётче припоминалось ему побелевшее лицо Одинштейна, в докладе которому он вскользь упомянул про Вы-

шгород.

Кажется, новый визит в этот городок неизбежен.

Критически поглядев на собственный рисунок, изображающий нечто прячущееся за углом, Стоянов заштриховал неясное существо густым серым цветом и, подумав, подписал внизу «Баал».

* * *

Карабкающиеся по склонам холмов улочки, зелёные провалы между домами, ветвящиеся овраги, резные наличники, бабушки. Наверное, здесь хорошо тихо спиваться или уходить от слезки заброшенными садами. Но для активных мероприятий этот городок подходил плохо. Явно чужака уже заметили, «сфотографировали» и «обсасывают» за задвинутыми шторами.

Понимая бессмысленность маневров, Иван всё же подошёл к дому задами, чёрными яблоневыми садами, лягушиными оврагами. Несколько древних деревьев, ещё помнящих старую усадьбу, подступили почти вплотную. Развалившийся сарай. Светящееся окно. Всё просто. Слишком просто.

В окне показался силуэт. Рука Стоянова скользнула к наплечной кобуре. Человек отворил окно. Прекрасная мишень. Но почему-то Стоянов не выстрелил, а, убрав пистолет, негромко окликнул: «Женя не пугайся, это я, Стоянов».

* * *

– Знаешь, Женя, я убил Мирко. – Стоянов помолчал. – Если бы не твоя помощь, мне бы его ни за что не найти.

Ночь была тёплая, за открытым окном отчаянно стрекотали кузнечики, где-то вдалеке утробно пророкотал гром.

«Теперь две прекрасные мишени», – почему-то подумалось Стоянову.

Женя Ши молча разложил на газете огурцы-помидоры, нарезал хлеб, потыкал вилкой картошку.

– Ещё минут 10.

– Не удивлён? Сознайся, Женя, ты ведь думал, что мне конец. Знал ведь, на что Мирко способен...

– Нет, Ваня, я так не думал, – ответил Ши, чуть помедлив.

– Верю, Женя, верю, – голос Стоянова стал совсем душевным. – Ведь не случайно же я его застрелил. Я ведь вешаться шёл, Женя, а потом вместо этого взял и застрелил гада... Ведь ты мне тогда помог, правда? – он в упор посмотрел на Ши.

Тот пожал плечами.

– Не хочешь говорить – не надо, – сказал Стоянов обиженно. – И Витёк Вещун тоже умер. Знаешь? Помнишь Витька? Вы ведь знакомы были.

Ши поднял глаза и внимательно посмотрел на Стоянова.

– А знаешь, почему они умерли? – продолжал Иван, за-

думчиво разглядывая потолок. – Помнишь, ты мне про реку рассказывал? Так вот, на этой реке плотина стоит, с электростанцией. Называется «Машина Счастья». Шутка. Не знаю, как называется. Допустим, Генератор. Я так подозреваю, вот здесь в Вышгороде и стоит. И делает эта машина будущее. Делает так, чтобы вода на твоей реке текла ровнѐхонько, по одному конкретному руслу и прямо к светлому коммунизму. Понимаешь? И прошлое это машина тоже делает. Чтобы у всех одно было прошлое. А то если у всех разное, то п...ц полный будет, понимаешь? И вот нашлись такие шустрые пацаны, которые в этой общей плотине свою частную дырочку сделали. Чтоб, значить, свою сугубо частную мельницу вертеть. Так ведь? А ведь нельзя так. Поэтому пришлось, Женя, нам их всех убить.

– Ты всё хочешь свести к простой схеме, – обернулся Евгений, – в реальности всё намного сложнее. Или проще. Давай есть.

«Когда он начнѐт сливать воду, я его застрелю», – подумал Стоянов.

В дверь постучали. На пороге появилась темноволосая коротко стриженная невысокая девушка в голубом халатике.

– Дядя Женя, можно? Мне скучно.

«Вот так», – усмехнулся про себя Стоянов. Время замерло, заморозилось в пронизанную светом прозрачную сосульку.

– Ой, у вас гости?

– Знакомьтесь, Фира, это Иван, мой старый друг, ещё со школы.

Фрагмент 6

– Конец света наступит через неделю. 1 августа. Так сказал Майкл.

– Боюсь только, что его никто не заметит, – ответил Стоянов,

Потом они шли под руку по улице, и Фира смеялась, как пьяная.

– Как опасно давать предсказания о том, что произойдёт через неделю, – сказала она.

– Вероятно, он прав, – произнёс Стоянов равнодушно.

Мокрый асфальт дробил свет фонарей. Около белого Мерседеса громко бранились (или мирно беседовали?) темпераментные кавказцы.

Фира поёжилась.

– Давай уедем отсюда, – вдруг сказала она тихо.

Иван засмеялся:

– Думаешь, переждём?

– Ну, пожалуйста, – почти закричала Фира, – я не могу больше здесь. Честно, не могу.

Иван пожал плечами.

Где-то в воздухе чуть слышно порвалась ниточка надежды. С новой силой зашумел, забарабанил дождь. «Вот

и всё, – подумала Фира опустошённо, – вот и всё».

– Ну ладно, тогда пока, – произнесла она, сдерживая слёзы.

«Вот так, – говорил себе Стоянов, шагая по улице, – вот и всё. Будда с соколом, о котором писал Ипатий, висит у неё на стене. А Женька мастер. Безусловно, он один из них. Но не Баал. Но как он меня отвёл в последнюю секунду! Ладно, квиты. Будем считать, что я тоже дал ему шанс».

Почему-то ему хотелось думать совсем о другом. «Фира, надо же, Фира. Какое же это имя?» – он засмеялся. Грохотало уже над самой головой. Внезапно сверху обрушился водяной столп. Стоянов мгновенно промок, но на душе почему-то было хорошо.

Из дождя выскркнули фары, рядом притормозил Фольксваген.

– Слушай, брат, где тут мэрия?

А потом другой голос:

– Стой! Здорово, майор! Панкиси помнишь? Масох помнишь? Узнаёшь?

– Узнаю. Здорово, Гоги! – ответил Стоянов, выхватывая пистолет. Потом что-то вспыхнуло перед глазами, и наступила темнота.

* * *

Спустя пятнадцать минут на перекрёстке нарисовались из темноты две фигуры.

– У него нет плана! Он его не забирал! – с тоской в голове сообщила тощая фигура, закончив обшаривать тело. Тёмный силуэт его собеседника не пошевелился.

– Ты, эта, не паникуй, найдём. Недалеко где-то.

Глава 4. Серый дом

Фрагмент 7

Время приближалось к полудню. Странник не спешил. Ветер вздымал пыль и лепил из жара причудливые завесы, и в его порывах и затишьях мир колебался огромным зелёным маятником где-то между Божественной литургией и лелтаргией.

Странник, облечённый в линялую джинсу, взирал сурово, словно имел к травке и трясогузкам одному ему ведомые счёты и был твёрдо намерен взыскать проценты. Его рыжеватая борода слегка курчавилась, за спиной был рюкзак, в руках сучковатая палка, которой он поигрывал как дубиной.

Взгляд его уже несколько минут был прикован к горизонту, где над холмом громоздились, подминая друг друга, белые туши облаков. В этой картине было и впрямь что-то тревожное и, пожалуй, даже завораживающее, словно слоистые серебрящиеся амёбы то почковались, то заглатывали друг друга в тёмно-синем аквариуме неба.

Вдруг новый порыв смешал все картинки, и то ли прихотью ветра, то ли под неотрывным взглядом странника облака сложились гармошкой и слиплись в подобие громадного снежного кома неприлично правильной формы. Несколько мгновений он висел, словно перебирая возможности транс-

формаций, и вдруг ослабился на полнеба чудовищным черепом, готовым пожрать и холм, и странника, и полуразрушенные коровники, и дом, с балкона которого наблюдал за безмолвными трансформациями ещё один молчаливый свидетель.

Вперив единственный глаз в небеса, щетинистый старик то взмахивал руками, то начинал бормотать как помешанный: «Знак, знак! Родился он, детушки, родился! Мало времечка-то осталось, мало!»

Потом, тяжело опираясь на костыль, он вошел в полутёмную занавешенную комнату и, раздвинув в дальнем углу весёленькие шторы, взметнул в воздух клубы многомесячной пыли. Смахнув тряпочкой паутину со старинных бронзовых часов, старик трясущейся рукой нащупал висевший на груди под жилетом ключик и, вставив в скважину, с видимым усилием стал заводить часы. Проснувшись от вековой дрёмы, механизм задрожал, стукнул один раз, другой, закачал маятником и пошёл, застучал, всё ускоряя бег, наполнив комнату призрачной жизнью, словно придав смысл и полинялым в жёлтых пятнах обоям и разностильной, будто собранной на московских свалках мебели. И эхом завибрировали в такт часам блёклые небеса:

Время спешит

Время спешит

Время спешит

Сверим часы

Сверим часы
Сверим часы
Время спешит...

Фрагмент 8

«Может ли быть такое? – тонкими пальцами она осторожно разворачивает свиток, – да, это та самая книга, я помню. А впрочем, нет. Книги никогда не бывают теми же. Мне никогда не доводилось дважды читать одну и ту же книгу. Это как с людьми, они всё время меняются! Один Пол Тианский всегда тот же. Всё время юродствует. Кстати, знаете, как он потерял глаз? Нет? Однажды Пол заснул, а проснулся уже одноглазым, просто половина его осталась на той стороне. Не боитесь?

Да, помнится, я читала похожую книгу. А не Вы ли мне тогда её приносили? Кажется, тогда Вы были монахом и носили бороду.

Хотите, чтобы я её прочла? Нет, я и так хорошо помню ту, старую. Будет жаль, если это всё же окажется не она».

И женщина в синем застывает, словно унесённая воспоминаниями. Её губы шепчут неслышимые слова, и кажется, будто она читает заклинания.

Текст 10.

Возможно, эта кошка принадлежала какому-то прежнему жильцу. По привычке она иногда заходила домой через форточку. Её чёрный силуэт внезапно появлялся в проёме, иногда застывая там надолго – на пять минут, на десять. Кошка словно решала, стоит ли заходить, тревожить былые воспоминания. Но потом всё-таки заходила, безмолвно обходила углы, усаживалась на тумбу и грезила.

Он оставлял её поест, но гладить себя кошка не разрешала, видимо, считая это проявлением фамильярности.

Евгений поселился здесь, чтобы исчезнуть. Нет-нет, не для того, Боже упаси, чтобы скрыться от преследователей. Просто со временем знакомые стали его тяготить. Всё больше энергии уходило на то, чтобы улыбаться и смеяться в нужных местах. Он уходил осторожно, постепенно перерезая ниточки, связывающие его с внешним миром. Три месяца он просто тихо выцветал. И когда он, наконец, исчез, никто не удивился.

Он выбрал этот городок совершенно случайно. Он здесь никогда не жил, не имел ни родственников, ни знакомых. Только однажды, много лет тому назад, был здесь на экскурсии и, глядя с высоты городища на пёстрые заплатки крыш, подумал: «Когда-нибудь я здесь поселюсь». Когда к нему приходили такие случайные мысли, он чётко фиксировал их и уже не забывал. Они хранились в особом чуланчике его обширной памяти. И когда наступал день выбора, он открывал

свой чулан и часто, очень часто находил там необходимое.

Здесь всё поскрипывало и шелестело. Этот дом был слишком живым, чтобы в нём можно было жить так, как живут обычные люди. Но он умел ладить со старыми домами. Он влился в него, слился с ним, стал его незаметной частью, предметом обстановки. Подобно старым напольным часам, страшно неудобным и тяжёлым и, наверное, поэтому оставшимся здесь, несмотря на смену хозяев и десятилетий.

Дорожка, поросшая подорожником, подходила к крыльцу. Этот вход назывался чёрным. Тот, которому надлежало называться парадным, был заколочен много лет назад.

Двор заглушило бурьяном и крапивой, забор развалился, и соседский сад, глухо шурша, вошёл во двор, завалил его гулко падающими кислейшими яблоками, наполнил сумерками и тенями. Безымянная белая собака, жившая под крыльцом, давно уже ни на кого не лаяла, лежала свернувшись или уходила по своим собачьим делам. Тогда обнаглевшие коты выходили из сада и замирали на перилах в безмолвной медитации.

Хлипкие зыбкие ступени восходили на веранду второго этажа и забывались в молчании. Тёмный скрипучий коридор напоминал пещеру. Как можно жить в таком доме?

Или, может, жильцы его знают что-то важное, недоступное обычным людям? Например, знают, что такое время и где хранятся его неисчерпаемые запасы...

Город спит тревожным старческим сном, и порой его навещают сновидения...

Он приехал в Вышгород ранней весной и долго ходил по улицам, карабкался по обледенелым склонам оврагов, стогнял ворон с обветшавших колоколен, ловил проблески солнца сквозь серую вату облаков.

Евгений изучал город внимательно, собирал его образ, где равно важны и маршруты автобусов, и покосившийся забор, и выступавшие из земли валуны. Он вбирал город в себя упорно, небольшими глотками. Вечерами он продолжал путешествие ведомый памятью. Прицепившись к какой-нибудь детали, как за нитку он вытягивал кусок города с его цветом и запахом, неповторимым рисунком линий, пропорций, звуков. Как летучая мышь, он посылал волну-запрос в каждую сторону и слушал, что ответит ему эхо. Оно отзывалось то звонче, то глуше, и с радостным изумлением он обнаруживал, что место не обмануло его. Созвучия города были богаты, порой удивительно богаты и мелодичны. Случалось, они даже приводили его в недоумение. И он сердито качал головой или застывал с изумлённой улыбкой, как если бы, выйдя покурить на балкон, увидел себя на берегу Неаполитанского залива.

В бесцветных глазах какого-нибудь местного пьяницы он вдруг замечал отблеск чего-то, что считал своим сокровен-

ным достоянием, сокровищем, упрятанным в самой глубине души.

Вскоре Евгений видел город даже с закрытыми глазами. Каждую улицу, каждый булыжник, окна, деревья, номерные знаки. Он втянул его в себя, как медуза втягивает щупальца.

Ему больше не надо было выходить из дома, сутки проводил он, полужёжа в тёмной комнате без окон. Его глазами стали глаза кошек – тысячи зелёных глаз, проникающих темноту, тысячи ушей, сверхчутких носов...

Он погрузился в город подвалов и теней, город шорохов. Глядел на него с заборов и чердаков, проникал в комнаты и закоулки. Казалось, он сам зарастал тёплой мягкой шерстью, и каждая ворсинка его благородного меха была антенной, ощупывающей город.

Потом дома и магазины исчезли, и стал виден каркас: пульсирующие линии – потоки ощущений, желаний, памяти...

О, город был стар! Он помнил Хуанди и Юдхиштхиру, Джамшида и святых риши...

Он был тиглем, вываривающим из памяти веков магические разноцветные кристаллы.

А может быть, это было будущее?

Его поиск стал целенаправлен. Он искал сердце. Ту точку, где сплетаются все пути, и в тумане проступает лик непро-

явленного. Он уже слушал мощные удары пульса, но едва устремлялся к источнику, как тот исчезал, затопляя сознание буйством красок и образов. Из тёмных глубин поднимались причудливые драконы, единое дробилось на мириады сверкающих осколков. Звёзды? Лица? Двери?

Потерпев неудачу, Евгений решил сменить тактику. Он умел уходить в пейзаж, становясь прозрачным для чужого внимания, почти незаметным и, вслушиваясь в настоящую тишину, отпускал своё сознание в вольные странствия. Спокойное, безграничное как море, оно лишь слегка волновалось, выбрасывая с прибоем на влажный песок случайные образы, внезапно отчётливые обломки воспоминаний, яркие картинки из детства. Улыбаясь про себя, он вертел их в руках, рассматривал со всех сторон, постигая в них знаки не пройденных, или не до конца пройденных путей, не отданных забытых долгов. И с каждым всплеском волны, освобождаясь от лишнего груза, воды его моря становились всё чище, всё прозрачнее. И он терпеливо ждал, понимая, что ничего не случайно, и на его пути для чего-то нужна и нынешняя праздность и обрывочные воспоминания...

Однажды он почувствовал лёгкое прикосновение тревоги, почти незаметной, как тень от бабочки, и застыл, прислушиваясь. Осторожно, предельно осторожно он стал распутывать нитку за ниткой, предельно внимательно, чтобы не пропустить знак, не оборвать конец и дать проявиться сокры-

тому. И вот, наконец, он почувствовал, что где-то глубоко на дне пришло в движение что-то тяжёлое, массивное, лежавшее там бесконечно давно, и понял, что час близок.

«Наверное, я проиграл», – думал Евгений, и на душе его было светло и спокойно. – «Всё, что я делал, вело меня к цели, и одновременно было абсолютно бессмысленно. Бессмысленна была цель, бессмысленны средства». Это осознание наполняло его необычайной лёгкостью. Каждое мгновение словно вернуло себе самооценку и он жил легко и радостно, ни о чём не заботясь.

Он зачастил на старое городское кладбище, где имел обыкновение сидеть с мольбертом его новый приятель Рудик. Рудика прельщала панорама: весь город был отсюда виден как на блюде. Ещё он уверял, что старая кладбищенская часовня в былые времена была местом собраний секты неумывайцев, считавших, вслед за евангельским текстом, умывание фарисейским обычаем, отвергнутым Христом и апостолами.

Неся подобную галиматью, Рудик делал быстрые зарисовки, и Евгений радовался как ребёнок каждому найденному им ракурсу.

«Как смешно, – думал Ши, – я ничего этого не видел, а ведь мне казалось, что я знаю абсолютно всё. А может быть, сам город изменился?» – проходя по улицам, он теперь не на-

ходил многих знакомых мест.

Рудик говорил, что надо спешить, потому что краевед Бесштанов добивается разрешения на снос всего старого города, чтобы раскопать древний Владимир. И Евгений смешно пугался: «Зачем?»

Город казался ему мандалой, где каждая линия имеет свой глубокий смысл и значение. Он даже начинал думать, что этот город и есть цель его исканий, икона невидимого Града, мирозозидающего эйдоса. Его отблески являлись ему на рудиковых зарисовках, и сам художник виделся ему великим святым, кальбом наших дней, в то время как сам он лишь безнадёжно стоит на пороге.

Наверное, в этот Град можно войти, стоит лишь отыскать в лабиринте города нить, ведущую к его сердцу.

Но это сделает уже кто-нибудь другой.

На древнем надгробии он нашёл изображения коня, тигра, дракона и черепахи. Четыре хранителя словно сошлись на совет. И он улыбнулся им, признав старых знакомых: голубоглазый конь, древний одноглазый дракон, синяя черепаха, страшно похожая на мать его квартирной хозяйки, до боли знакомый тигр...

Две чёрные бесстрастные одинаковые фигуры ждали его возле заброшенной часовни. И он подумал: не здесь...

* * *

И настал день, прозрачный и чистый, день отдохновения и день свершения. В аметистовом свечении вечера лица предметов проступили отчётливо, как под воздействием реактива, и он понял, что сегодня получит знак.

Увидев его, он с трудом удержался от смеха: знак, ясный как небесная голубизна, висел на стене в соседней комнате. Все эти дни он ждал его в двадцати шагах дальше по коридору.

Прекрасная танка – вышитая на шёлке тантрическая икона – словно испускала невидимые лучи. Эти двуглавые холмы, это озеро в форме неправильного круга, – он узнал их с первого взгляда. Много раз мысленным взором бродил он вокруг них.

Солнце и стареющая луна, висящие в небе, как это бывает в ранние утренние часы, обозначили стороны света. Четыре яростных локопала по сторонам от неведомого Бодхисаттвы с соколом являли его могучие энергии. Замысловатый узор у подножия трона был знаком пути.

– Удивительная вещь – сказал он, обернувшись к хозяйке, – откуда она у вас, Фира?

– Я её стырила. Клёвенькая, правда?

Фрагмент 9

Наверное, её угораздило купить какую-то особую несохнущую краску. Хотя она никак не могла сообразить, для чего

такая краска нужна, но одно из её назначений – выкуривать людей из собственного дома – было ей совершенно очевидно. Оставалось одно из двух: или явиться к Ипе с повинной (что было исключено), или отправиться в Вышгород, куда её каждое лето вежливо приглашала пожить мать подруга.

«Интересно, подаст на меня Ипочка в суд за кражу или не подаст?» Только вчера после часа поисков Фира сообразила, что её любимая сумища, без которой, ну хоть убейся, не обойтись, осталась у бывшего супруга. Красная сумища была не простая, а заговоренная, туда влезало всё что надо. А во все остальные... ну, в общем, совсем не то. Поэтому линять без сумищи из Москвы было никак не возможно.

Как она и рассчитывала, Ипатия дома не было. Сняв в прихожей сапоги – не дай бог наследить, – она на цыпочках вошла в комнату. Провела пальцем по тумбочке и присвистнула: Ну и ну! Чтобы у Ипы была пыль! Не иначе как умотал в командировку. Сумища обнаружилась на антресолях.

Чего бы ещё стырить? Вдруг ещё чего-нибудь понадобится. А то ведь новый замок врежет, как пить дать врежет. И записочку придётся оставить, а то ведь сразу милицию вызовет, скандала не оберёшься.

Уже только дома, укладывая вещи, Фира обнаружила, что в сумище лежит маленький свёрточек, который оказался совершенно суперским старинным шелковым платком – большущей расшитой разноцветным щёлком картиной с Буддой,

птицей-соколом и страховидными ифритами. (Сама Фира, правда, ифритов никогда не видела, но всегда их вот так примерно себе и представляла). И так как Фира была легкомысленной особой, она тут же решила, что фиг его Ипочке вернёт. Она сделает для него рамочку, или... короче, она придумает, что она с ним сделает и как это будет классно. И она, свернув, снова сунула его в карман сумищи.

Фрагмент 10

– Дороги – нити тончайшей пряжи, это сеть. Она неуловима, но нет никого, кто бы ни попал в неё, – сказала синяя черепаха, – разве эти тропы не тропы времени? Они сжимаются всё туже, ячейки всё меньше. Не пора ли вытаскивать невод?

– Погадаем на твоём панцире, сестрица, – усмехнулся тигр. – Разве время подобно сети? Оно подобно обвалу. Стоило сказать слово и эхо обрушило горы. Что нам остаётся? Слушать отзвуки.

– Ты сам виноват в этом, – сказал голубоглазый конь, – ты вечно лезешь в людские дела, и открыл им слишком многое. Но разве мы не хранители? Разве время властно и над нами?

– Время подобно волнам, – прошептал древний дракон, и надолго замолчал, прикрыв свой единственный глаз, то ли задумался, то ли оцепенел. – Они вернулись, но они совсем другие.

Текст 11

Приковылял одноногий старик.

Ходил, глядел птичьим взглядом.

Хлопнула сама собой крышка от погреба.

Зашумело дождём.

Пришёл поп.

– Зверь родился, доподлинно известно, – сказал.

Ухало, гремело.

– Понаехали чёрные, сила адова, из Масоха да Фувала, и главный у них – Гоги. Чую, последние времена настают, – запугивал.

– Времена, они всегда последние, – сказала Синяя Дама, – не мелите вздор, Джордж.

На крыше сарая мёртвый ворон.

Фира жила в этом городке уже третью неделю, всосанная в него как в воронку. Чуть ли не впервые в жизни она осталась наедине с собой. Тут даже не было телефона. Две недели она ходила растерянная, ошеломлённая нахлынувшей тишиной. Ей всё время казалось, что она это не она. С детства все её считали страшной эгоисткой, но при этом всегда был кто-то, с которым она была «мы». Теперь Фира с удивлением оглядывалась по сторонам, не замечая привычных отражений, и с непониманием ощупывала пустоту.

Но потом этот мир стал постепенно населяться: появился дятел на сосне, и она вдруг поняла, что никогда раньше не слышала дятла, появилась Синяя Дама, появился Зверь. На стене поселился свистнутый у Ипы прикольный Будда с ифритами, а в конце коридора страшно на него похожий дядя Женя, такой же добрый и круглый, только в очках. А ещё были часы, кошки и Елена Аркадьевна. В горшках росли посаженные Фирой ели. Но внутри по-прежнему копошились и больно кусались многочисленные персонажи, которые никак не могли договориться, кто же из них станет Фирой; и ей приходилось бродить по городу и расселять их по разным закоулкам.

Главное, никаких старых знакомых... Чтобы можно было отлёживаться и зализывать раны. И не о чём не думать. Хорошо бы стать клушей. Тупой-тупой и совершенно спокойной. Вообще без нервов и без мозгов, и всё по фене. Какой был бы кайф! Или сразу святой, чтобы всё понятно...

И её желание, кажется, стало исполняться, но как-то странно. Волю её сковала какая-то дремота. Как будто она утонула, и не было даже сил пошевелить рукой, чтобы выплыть.

Это было так на неё непохоже. Всю жизнь она самоотверженно сражалась с многочисленными опасностями: из каждого бутерброда прищурясь выглядывали калории, солнечный свет грозил миомами и ожогами, ядовитые вещества

парили как злые духи в атмосфере, копошились в земле и булькали в водопроводной воде. И она бесстрашно заклинала их, умащиваясь кремами и принимая волшебные снадобья, отгоняя недругов диетами и магическими гимнастическими. Но враги мутировали, выдвигали пятую колонну, склоняли к измене вчерашних друзей. Те, на кого она полагалась как на себя, вдруг открывались с новой, опасной стороны, и ей приходилось менять всю диспозицию обороны, вводить новые табу...

И вдруг ничего... Она демонстративно пожирала перед зеркалом целый батон, ожидая вопля ужаса из глубины своего существа – и ничего, молчание...

Даже телевизор смотреть не хотелось...

А в городе вдруг стало страшновато.

«Это, наверно, из-за меня», – горько думала Фира. По некоторым улочкам, куда она расселила своих жильцов, она и сама теперь боялась ходить.

* * *

– Вы только подумайте, этот тип опять мне приснился! – сказала за завтраком Елена Аркадьевна с оскорблённым видом.

Елена Аркадьевна говорила о пропавшем соседе.

В один прекрасный день он, вернувшись с прогулки, за-

шёл к себе в комнату, и больше его никто не видел.

Более всего Елену Аркадьевну возмущал тот факт, что он пропал именно в доме, а не где-нибудь ещё. И потом, она никак не могла вспомнить, как его звали. Время от времени он ей снился. Во сне она всё хотела высказать ему свои претензии, но это ей никак не удавалось.

Бедная, бедная Елена Аркадьевна, в своих проблемах она никогда не находила сочувствия. Синяя Дама была непроницаема и равнодушна как морская звезда.

Синяя Дама – сумасшедшая мать Елены Аркадьевны – коротко стриглась, кормила пришлых котов и вечно забывала запира́ть двери. Она была стильной как парадная лестница или старинная чугунная ванна, стоящая посреди фириной комнаты.

А возможно, Синяя Дама была и не такая уж сумасшедшая... Или это просто Фире нравились низкие голоса?

Она действительно любила всё синее и оставляла после себя едва уловимый аромат каких-то нездешних духов – запах древних ларцов, где когда-то хранили благовония, дыма прошлогодней осени, сандалового дерева и чёрного кофе. Когда Елена Аркадьевна уезжала, она пела вполголоса, позвякивая на кухне чем-то старинным, вроде фамильного серебра, чем-то, чем больше никому не удавалось так благородно и старинно позвякивать.

– Девочка, – говорила она Фире, – девочка, если это

не ваш сон, то зачем же Вы его смотрите?

* * *

Елена Аркадьевна боялась сквозняков и молчания, ей всегда не хватало денег и времени, и она считала своим долгом поддерживать Фиру морально.

– Глупости, – заявляла она бодрым голосом, – он вернётся. Поймёт, что не прав и вернётся. Человек не может жить один и он, конечно, тебя найдёт.

Но Фиру эта перспектива почему-то не особенно радовала.

Теперь Фиру навещал Зверь.

Со Зверем можно было молчать, а можно было разговаривать.

Он мог часами сидеть в кресле, заложив ногу за ногу и лишь иногда поводя ушами.

– Вы напрасно скрываете свою мохнатость, – говорила Фира, – она вам к лицу. А также тяжёлость, чёрность, пушистость и грациозность, – ей нравилось угадывать в Звере его подлинные черты. – Вы знаете, в юности я собственноручно сводила себя с ума: на нашем курсе модно было быть чокнутым. Всем хотелось быть оригинальными. Вот и результат.

И Зверь грустно и понимающе улыбался.

– Вообще-то, православной девушке негоже с вами як-

шаться. Но так уж и быть, оставайтесь, – великодушно позволяла Фира, – но помните, во крещении меня зовут Февронья.

За стеной чихали, но как-то мелодраматически: сначала долго и тоненько – «А-аа», как бы готовя к эффекту, и вдруг – «пчхи!». У Елены Аркадьевны была аллергия на кошек.

С отвращением к себе Фира зажгла свет и поглядела на часы. Двадцать пять минут четвёртого. Фира застонала. Нет, больше ей не выдержать. Пойти бы на кухню, вскипятить чайничек. Ага, а утром Елена Аркадьевна скажет: «Опять ночью кто-то ходил по квартире. Как стадо слонов!» А потом начнёт рассказывать, как у неё болит голова. Уродка. Да что она понимает в головной боли! Головная боль. О-оо! Одно дело, когда вкручивают в висок такое маленькое свёрлышко. А другое – когда глаза застилает красный туман, а по затылку отбойным молотком, завёрнутым в вату. А ещё бывает, когда голову закручивают стягивающим обручем. Интересно, как такая пытка называется? Наверно, «испанская тубетейка». Раньше Фира так и представляла себе испанцев – в старинных, страшно неудобных обтягивающих костюмах, полупридушенных тугими воротничками, хромающими в своих на два размера меньше испанских сапогах.

Стараясь не шуметь («И вовсе слоны не шумят. Они ходят по джунглям бесшумно. Книжки читать надо!»), Фира

слезла с кровати, уселась в кресло и стала слушать, как скрипит дом.

Когда внезапно забили часы, Фира вздрогнула, а потом захихикала:

– Это Елена Аркадьевна их заводит. Но они всё равно идут только когда захотят. – Она помолчала. – Зверь, расскажите что-нибудь умное.

– Эти часы, Фира, боем отмечают смену космических суток, – сказал Зверь. – Когда это происходит, наступает час, когда обычное время перестаёт идти, и всё живет во времени, бывшем до сотворенья мира.

– Врёте! Они всего три дня назад куковали!

Гость пожал плечами. Фира осталась одна. Только в форточке маячил чёрный кошачий силуэт.

Текст 12

Я появился на свет в день, именуемый четвергом. День был сухой и серый. Под ногами потрескивали сучья и шуршали листья. Пахло дымом. Голые ветки деревьев царапали тишину. Чёрная кошка возлежала на красной скамейке. Блёклые цвета ещё не родившейся жизни...

Я иду, осторожно касаясь земли ногами. Когда только рождаешься, надо быть предельно осторожным. Чтобы не испугнуть. Столбы дыма от куч тлеющих листьев. Чёрная

кошка. Минуты не спешат, сплавляются в единую прозрачную массу – во время Оно...

Совсем немного оттенков: серое небо, серый асфальт, белый дым, тополя – серебристо-зеленоватые, кусты, деревянные ставни – все оттенки серого и коричневого. Навсегда? Может быть, и навсегда.

Бледно-серое небо, серый кирпичный дом, длинный и двухэтажный, окна без занавесок. На втором этаже за окном неподвижно стоит пожилая женщина в синем. Тополя. Не забыть.

Я буду приходить сюда часто. Подниматься в полутьме, впитывая запахи подъезда. Странно, очень странно, почему дома, построенные после Сталина, пахнут совсем по-другому? В них исчез запах жизни и времени. Времени, в которое я не жил. Хотя к чему толковать о времени, когда я появился в четверг?

Чужие воспоминания липнут на меня, как на клейкую ленту. Небывшее время имеет привычку продолжаться вечно.

Женщина в синем глядит на меня устало и говорит, что чувствует, как растут деревья: «Они всё время растут. Днём и ночью». Потом она говорит: «Выпейте кофе». И мы пьём кофе.

Её часто навещают бывшие люди. Они приходят в сумерках, но она всегда начинает ждать их заранее. Хотя зачем?

Они всё равно приходят незамеченными. По двое, по трое.

Сумерки – это лучший из часов. В прозрачном полумраке всё обретает своё первоначальное звучание. Дома и звёзды, деревья и потерянный мяч становятся тем, чем они были когда-то задуманы – символом тишины. Бывшие сидят неподвижно и слушают.

Женщина смеётся и рассказывает, что они думают сердцем. У бывших людей большое и умное сердце, а мозг им совсем не нужен. В их времена совсем не было электричества, и теперь они приходят, чтобы поглядеть на огни – светящиеся окна, фонари... О чём они при этом думают?

С ними так хорошо помолчать. Они очень деликатны и не приходят, когда приезжает Елена. А может быть, она им просто не очень нравится?

Когда приезжает Елена, я тоже стараюсь не приходить. Елена очень глупа, хотя догадаться об этом не так просто. У неё несколько лиц, и она надевает их по мере необходимости, иногда путая. Женщина в синем рассказала мне, что часто застаёт Елену совсем без лица и тогда старается уйти незамеченной, чтобы не смущать дочь. Однажды Елена потеряла лицо, и я подобрал его на лестнице и теперь иногда надеваю в людных местах. Так легче сохранить одиночество.

С тех пор как Елена решила, что её долг – служить ближним, она стала невыносима, её не любят даже кошки.

Трудно сказать, сколько в доме кошек. Я знаком лишь

с немногими. Они встречают меня у подъезда, торжественные, как пушистые сфинксы. Рыжие, чёрные, серые... Их лица внимательны и в тоже время сосредоточенно-отрешённые, их позы расслаблены и неподвижно-стремительны. Они не спешат. Они знают своё право. Они знают, что успеют везде.

Это их дом, их мир, и в этом корень их тайны, их потусторонности. Мир потусторонен для людей, они всегда внешни. Пусть каждый и пытается безнадёжно отрезать свой ломоть, собрать, нагрести кучку вещей и людей и вобрать в себя, продолжить себя в них, и сказать: «Это моё, моё, это я, я, Я!» – какая тщета! Кошки знают.

Тщета. На пустыре у путей красный кирпичный сарай. Ободранный, закопчённый, с широкими неряшливыми зазорами между оббитыми кирпичами. И чёрная, огромными неровными буквами надпись: ЛЕНИН – СТАЛИН – КОМУНИЗМ.

Говорят, при Сталине здесь запрещали убивать деревья. Поэтому они остались – эти тополя, липы, лиственницы, столетние, полные памяти и бытия. Их всего лишь разлучили, разгородили бесчисленными заборами.

Заборы как символ. Неужели коммунизма? Жалкая попытка за-я-чить, за-мы-чить пространство. Мой кусочек космоса, ломтик Бога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.